

Михаил Калкин

СТРАЖ МОГИЛ

Михаил Кликин

Страж могил

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126492

Страж могил: Эксмо; М.; 2006

ISBN 5-699-17525-3

Аннотация

Они должны были погибнуть в детстве, но выжили. Встреча с темным колдовством искалечила их судьбы, но они не отчаялись. Они разделили тяжелую магическую ношу и разошлись по миру, но тревожное время требует вновь объединить силы. Три старых друга встретятся на перекрестке дорог, в маленькой харчевне, и уже никогда не расстанутся. Вместе придется идти им опасными дорогами и лицом к лицу столкнуться со страшным противником, поднявшим темную армию мертвых на борьбу с людьми.

Содержание

Глава 1	6
1	6
2	9
3	12
4	13
5	15
6	18
7	20
8	25
9	28
10	30
11	33
12	36
13	39
14	40
15	42
16	45
17	46
18	49
19	51
20	54
21	57
22	60

23	61
24	66
25	70
26	71
27	74
30	77
31	80
32	81
33	84
34	91
35	92
36	95
37	97
38	100
39	101
40	104
41	106
42	107
43	111
44	115
45	117
46	120
47	122
48	124
49	127
50	131

51	134
Глава 2	137
1	137
2	140
3	142
4	145
5	147
6	148
7	151
8	154
9	157
10	161
11	163
12	174
Конец ознакомительного фрагмента.	176

Михаил Кликин

Страж могил

Глава 1

Охотник

1

Большая черная муха не могла взлететь. Сердито жужжа, она ползала по бесформенному лицу трупа – по вспухшим губам, по закрытым пергаментным векам, по изуродованному носу и впалым щекам.

– Какой страшный, – восхищенно сказал Огерт.

– Гадость! – Нелти не смотрела в сторону мертвеца. Она уже жалела, что поддалась на уговоры Огерта, и пошла с ребятами туда, куда ходить не следовало.

– Почему он лежит здесь? – спросил Гиз.

– А может быть он живой? – предположил Огерт. – Они его ищут, ищут, а он каждую ночь переползает на новое место. И прячется. Ждет, пока кто-нибудь подойдет поближе, окажется рядом... Совсем рядом... Вот как мы... – Огерт зловеще шептал, хищно щурился, скалил зубы. Он хотел на-

гнать страху на своих товарищей, но напугал и себя тоже.

– Прекрати! – взвизгнула Нелти.

Но Огерт уже не мог остановиться:

– А когда он почует рядом живого человека, то тут же вскочит, схватит его, вцепится зубами в горло...

– Перестань, – попросил Гиз, крепко сжимая в кармане рукоять самодельного ножа.

День уже заканчивался. Садилось солнце. До наступления темноты оставалось совсем немного времени. А ведь родная деревня недалеко, и на потайном пути так много препятствий.

Успеть бы вернуться до ночи...

Издалека, с крепостных стен, окруживших Кладбище, поплыл вязкий колокольный звон, похожий на плач.

– Мы должны рассказать о мертвеце, – сказал Гиз.

– Но мы дали слово молчать, – возразил Огерт. – Рон хотел сходить сюда еще раз. Он собирался показать мертвяка своей девчонке.

– Дурацкий поступок, – фыркнула Нелти, опасливо озираясь по сторонам.

– Если мы все расскажем, то Рон очень рассердится, – сказал Огерт. – Очень!

Они замолчали, не зная, как лучше поступить. Посмотрели на мертвеца, словно ждали от него совета.

Долго ждали...

Жирная муха, перестав жужжать, заползла в черную щель

рта.

И вспухшие губы вдруг сомкнулись. С хрустом сжались челюсти. Дрогнули высохшие веки.

Мертвяк шевельнулся...

2

Гиз распахнул глаза. Выдохнул. Стиснул кулаки, пытаюсь успокоиться, стараясь унять трепещущее сердце.

Это было непросто.

Гиз весь дрожал. Липкая испарина холодила кожу.

Все, как тогда. В точности... Ненавистный сон! Сколько лет прошло, а ничего не меняется. В одном и том же кошмаре возвращается прошлое. И всегда так некстати! Именно тогда, когда нужно собраться с силами, с духом, когда так необходима решительность!..

Гиз вяло ругнулся и выбрался из-под пахнущего конским навозом одеяла. Спустив ноги на пол, почесался, голыми ступнями нашарил под кроватью свои сапоги, наклонился, выволок их, ухватил обоими руками за голенища, несколько раз со всего маху ударил тяжелой обувкой о пол, давая сигнал хозяину постоянного двора, что можно нести завтрак.

Хозяин появился незамедлительно.

Сегодня он был хмур – не то что вчера. От него несло перегаром и чесноком. Мятое небритое лицо его выражало муку, а красные глаза так и норовили закрыться.

– Яичница и бекон, – вяло объявил хозяин и громко икнул.

Гиз поморщился. Махнул рукой в сторону стола:

– Поставь там.

– А мне больше некуда поставить, – буркнул хозяин. Судя по всему, он не очень-то уважал своих постояльцев. Тем более таких, как Гиз.

– Что нового?

– Ничего. Этой ночью к Диле опять приходил мертвяк. Бродил под окнами, пытался открыть дверь. Под утро, как обычно, ушел.

– Страх! – Гиз натягивал штаны.

– Да уж... – Хозяин оставил тарелку с едой на столе, вернулся к двери, встал, прислонившись плечом к косяку, рассматривая одевающегося постояльца. – Дила опять всю ночь не спала. И дети ее тоже... – В голосе хозяина слышался укор.

– Я ее хорошо понимаю... – Гиз накинул на плечи куртку. Застегиваться не стал – так было удобней чесаться. – Я сам до ужаса боюсь эту нежить...

– Ты? – недоверчиво хмыкнул хозяин.

– Ну да. Что я, не человек, что ли?.. Мерзкие они, мертвяки эти. Жуткие. Меня от одного только их вида в дрожь бросает... – Гиз поежился, вспомнив кошмарный сон.

...жирная муха, заползшая в рот...

– Значит, ты тоже их боишься? – голос хозяина чуть потеплел. – А зовут-то тебя хоть как?

– Гиз.

– А я Эрл.

– И что же нам теперь делать, Гиз?

– Слушать меня, Эрл. И выполнять все, что я прикажу. Даже если вам будет очень страшно.

– Мы давно готовы.

– Охота начнется завтра. А сегодня я заночую у Дилы... – Гиз почесал спину, усмехнулся, сказал: – Твои клопы, Эрл, ничем не лучше мертвяков.

– Да уж я бью их, давлю, как могу, вытравливаю... – развел руками хозяин. – А перевести никак не могу.

– Вот и я тоже, – вздохнул Гиз и потянулся к мечу, стоящему возле кровати.

3

Убить мертвяка непросто. Ведь он уже мертв.

Но при определенной сноровке и мертвого можно упокоить. Главное – не забывать несколько простых правил.

Во-первых, нельзя смотреть мертвяку в глаза.

Во-вторых, нельзя к нему прикасаться.

И в-третьих, с ним нельзя разговаривать.

Конечно, есть еще много всяких хитростей, о которых обычные люди не подозревают. Например, мало кто знает, что мертвяка легче всего убить раскаленным железом. И уж почти никто не догадывается о том, что больше всего на свете мертвяк ненавидит мух. Черных, жирных мух, которые тучами слетаются на тошнотворный запах разложения...

У каждого охотника на мертвяков свои хитрости, свои уловки. Но три правила – не смотреть, не трогать, не разговаривать – выполняют все.

Даже те, кто считает их глупым суеверием и пустой предосторожностью.

4

Дом Дилы располагался на краю села, возле узкой дороги, ведущей в лес. По соседству стояла еще одна изба, но окна ее были заколочены почерневшими досками, а перекошенная дверь заперта на два ржавых засова.

– Чей это дом? – поинтересовался Гиз, встав посреди дороги.

– Ничей, – сказал Эрл. – Раньше тут жил один старик. Лортом его звали. Тихий такой дед, бортничеством промышлял. Мы, детишками были, его любили, он нас медом угощал. А потом помер. Давно... Вот с той поры дом и стоит пустой.

– Понятно, – Гиз повернулся лицом к избе Дилы. Осмотрел высокий крепкий сруб, ладный двор, оценил: – Богатое хозяйство.

– Да, – согласился Эрл. – Муж у Дилы работающий был, да и она бездельничать не любит.

– Когда у нее муж пропал?

– Восемнадцать дней назад. Ушел в лес на вырубку и не вернулся.

– Вы его искали?

– А как же! Искали. Да только без толку. Сгинул...

– А когда мертвяк первый раз появился?

– Восемь дней назад.

– Кто его видел?

– А никто не видел. Он же ночью приходит, в самую темень. Собаки брешут, когда он появляется, скотина пугается... У меня лошадь в стойле каждое утро взмыленная, словно на ней всю ночь кто-то скакал... А люди... Боимся мы... Выглянуть боимся... Каждую ночь ставни накрепко запираем, окна изнутри мебелью заслоняем. На дверях теперь у всех тройные запоры.

– Он и к вам ломится?

– Да нет, вроде бы. Только к Диле. Может быть, чует, что она без защитника осталась?

– Что, совсем одна?

– Ну, не совсем. Трое детей у нее. Две пацана и девчонка. Разве они ее защитят?

Гиз пожал плечами:

– Дети порой на такое способны, что не каждому взрослому по силам.

– Да куда уж им! Вчера из пеленок вылезли...

– Ладно, – Гиз узнал все, что хотел, – пошли в дом. Поговорим с хозяйкой.

Дила ждала их на крыльце. Высокая сильная женщина, красивая, но изможденная, она стояла у приоткрытой двери, безвольно опустив руки, глядя себе под ноги. Голос ее был тих, словно шелест опавшей листвы:

– Светлого дня вам.

– И тебе, хозяйка, – сказал Гиз и ободряюще улыбнулся. – Слышал я, повадился к тебе незваный гость.

Женщина искоса глянула на охотника, замешкалась чуть, ответила негромко:

– Может гость... а может и хозяин...

– В дом свойпустишь нас? – Гиз сделал вид, что не слышал ее слов. Он внимательно разглядывал женщину, не думая о том, что со стороны его поведение может показаться нескромным и вызывающим.

– Проходите, – Дила посторонилась, качнула рукой в сторону двери. – Только вот угостить мне вас нечем...

В избе было холодно, и Гиз еще больше уверился в своих подозрениях. Он остановился посреди просторной комнаты, где почти не было мебели, придержал Эрла за локоть, словно невзначай положил ладонь на рукоять меча. Проговорил, осматриваясь:

– Что-то зябко у тебя, хозяйка.

– Сама не пойму, почему, – пожалала плечами женщина. –

Вся изба выстыла, будто зимой.

– Может сквозняк тепло выдувает? – предположил Эрл.

– Нет, – покачал головой Гиз. – Думаю, это не сквозняк...

В доме было несколько комнат. Гиз обошел их все, внимательно осматривая каждый уголок, отмечая каждую мелочь. Притихшая хозяйка неотступно следовала за сосредоточенным охотником.

– А дети где? – спросил Гиз, закончив осматривать избу.

– Играют, – ответила женщина. – На улице.

– Не боишься их отпускать?

– А что делать? Разве дома удержишь?

– Значит не боишься.

– Они до темноты не задерживаются. А днем я за них не так волнуюсь.

Гиз опять пристально посмотрел хозяйке в лицо. Она спокойно встретила его взгляд, не смутилась, не покраснела, не отвернулась. Было в ее поведении что-то неестественное – Гиз чувствовал это. Женщина чего-то недоговаривала. Она что-то скрывала.

– Сегодня я заночую здесь, – сказал охотник. – Посмотрю, что к чему.

Дила кивнула.

– Ты ничего не хочешь мне сказать? – спросил Гиз.

– Нет, – женщина ответила сразу, словно ждала этот вопрос.

– Хорошо... – охотник опустил глаза. – Сегодня ночью я

еще раз спрошу тебя об этом. Как следует подумай, что мне ответить... – Он убрал ладонь с рукояти меча, подтолкнул отчего-то смущенного, неестественно напряженного Эрла к выходу и шагнул за дверь.

На улице было жарко, ярко светило солнце, и жужжали мухи.

6

Они опять остановились на дороге, в тридцати шагах от дома Дилы, в пятидесяти – от старой избы давно умершего бортника Лорта. Со стороны могло показаться, что они не знают, куда податься, но это было не так.

– Зачем тебе все это? – спросил Эрл.

– Что именно? – не понял Гиз.

– Почему бы тебе просто не убить мертвяка? Почему ты вот уже третий день живешь у меня, ничего не делаешь, только расспрашиваешь всех о разной ерунде и гуляешь по окрестностям? И для чего собрался сегодня ночевать у Дилы? Ты тянешь время? Но почему? Неужели потому, что боишься мертвых?

Гиз усмехнулся:

– Ты не угадал.

– Так в чем же дело? Мы думали, что ты выполнишь свою работу быстро. Всего-то и надо – убить одного мертвяка. Ты же, наверное, уничтожал их целыми отрядами?

– Бывало и такое, – признал Гиз.

– Тогда я не понимаю...

– В том-то и дело, что не понимаешь, – охотник не смотрел на собеседника. Он медленно поворачивал голову, и поворачивался сам, словно пытался учуять что-то. – Мертвые не оживают сами, просто так, беспричинно. Всегда есть кто-

то живой, тот, кто разбудил мертвяка. Тот, кто вольно или невольно управляет им... Да, я могу убить мертвеца, приходящего в вашу деревню. Но прежде я должен разобраться, кто его поднял.

Эрл побледнел:

– Хочешь сказать, что среди нас живет некромант?

– Я хочу сказать, что мне нужно как следует во всем разобраться.

– Если это так, – Эрл словно не слышал охотника, – то как узнать, кто он?

– Когда придет время, я назову вам его имя, – ответил Гиз и посмотрел на солнце.

У него еще был в запасе целый день.

К заброшенному дому бортника вела чуть заметная тропинка. Эрл, наверное, никогда бы ее не разглядел, если б не Гиз.

– Трава примята, – сказал охотник, внезапно остановившись и показав рукой себе под ноги.

– Наверное, куры, – предположил Эрл, чувствуя, как ледяные мурашки побежали по спине.

– Нет, не куры. Смотри, здесь камень вдавлен в землю.

– Может, коза прошла?

– Здесь прошли люди. И не один раз.

Эрл беспомощно обернулся. Сейчас он хотел бы очутиться дома, но от его желаний мало что зависело. Он обещал охотнику помочь и не мог нарушить свое обещание.

А впрочем...

– Хочешь уйти? – Гиз повернулся к спутнику.

– Нет... – У Эрла забегали глаза. Чтобы скрыть замешательство, он несколько раз громко кашлянул в кулак. – Я же обещал быть рядом...

– Не бойся, – сказал Гиз. – Днем мертвяки обычно спят... Обычные мертвяки...

– Мы ведь можем на него наткнуться? – спросил Эрл, боясь услышать ответ, который и без того знал.

– Конечно.

– И тогда он может проснуться?

– Может.

– Я не хочу туда идти.

– Мы должны...

Подступы к дому бортника заросли высокой травой и кустами дикой малины. Вкривь-вкось торчали гнилые столбы – останки старой изгороди. Высокая береза, накренившись к дому, накрыла густой кроной добрую часть худой ободранной крыши – заброшенная изба словно пряталась в тени. За слепыми заколоченными окнами притаилась тьма. Ржавые дверные запоры удерживали ее внутри, не давали выбраться наружу.

– Мы не любим этот дом, – невольно понизив голос до шепота сказал Эрл.

– Почему? Ведь бортника вы любили.

– Его самого, но не его избу. Он и сам боялся здесь жить.

– Ты не рассказывал мне об этом.

– Я многое тебе не рассказывал, охотник.

– Так расскажи...

Они остановились в тени березы, встали возле забитого досками окна, в нескольких шагах от развалившегося крыльца. Эрлу было не по себе, он дрожал словно от холода, глаза его бегали. Гиз выглядел совершенно спокойным. Лишь его левая рука крепко – так, что ногти побелели, – держала ножны.

– Бортник этот дом не строил, – сказал Эрл. – Он его толь-

ко поправил. А кто здесь раньше жил, этого уже никто не помнит.

– Думаешь, это может иметь отношение к тому, что происходит у вас последнее время?

– Не знаю.

– Рассказывай дальше.

– А нечего рассказывать... Дом этот мы всегда стороной обходили. А уж когда бортник умер – и подавно.

– Но почему?

– Я и сам не знаю... Никто не знает... Так уж повелось...

– Ну-ну, – хмыкнул Гиз. – После твоего рассказа мы просто обязаны заглянуть внутрь.

– А может как-нибудь потом? – неуверенно предложил Эрл.

– Нет! – отрезал Гиз. – Сегодня. Сейчас...

Едва заметная тропка огибала дом и сворачивала за угол. Кто ходил к брошенному дому, пользующемуся дурной славой? И зачем? Гиз хотел выяснить это. Он не был уверен, что это поможет ему в охоте, но все же предчувствие подсказывало ему, что неизвестный посетитель старого дома может быть каким-то образом связан с ожившим мертвецом, ночами приходящим в деревню.

– Не припомнишь, когда последний раз у вас появлялись чужаки?

– А как же, – озирающийся Эрл наступал Гизу на пятки. – Хорошо помню. Они же все ко мне в заведение идут. По-

следний был пять дней назад. Переночевал. Заплатил хорошо. И ушел.

– Опиши его.

– Ничего особенного. Молодой. Одет хорошо. Разговаривал уважительно. Куда-то торопился.

– А были такие, кто обращал на себя внимание?.. Странные...

– Так ведь странники они почти все странные.

– А останавливались у тебя такие, от которых словно ветер ледяной веет? – уточнил Гиз. – И ходят они так тихо, что шагов их совсем не слышно, даже если идут они по опавшей листве. Глаза у них неподвижные, тусклые. Говорят невнятно, тихо, иногда заговариваются, и тогда голос их крепнет.

– Ты о некромантах? – Эрл съежился.

– О них... Может быть, кто-то встречал в округе таких людей?

– Нет... Не припомню...

Вместе с тропинкой они обогнули дом, вышли к завалившемуся на бок двору, что когда-то был пристроен к задней стене избы. В узком промежутке между кривыми стенами разглядели черный проем двери, больше похожий на пещерный лаз.

Тропка вела туда.

Эрл, вздохнув, посмотрел на солнце. Гиз, обернувшись, глянул на Эрла, усмехнулся. Приободрил спутника:

– Не трусь! Я чувствую – там нет ничего живого.

– Этого я и боюсь, – тихо отозвался Эрл.

У Гиза под сапогом что-то хрустнуло. Охотник резко остановился, шагнул в сторону, присел на корточки, развел руками траву, склонился к самой земле.

– Что там? – не выдержал Эрл.

– Ничего особенного... – Гиз выглядел озабоченным. – Всего лишь крысы... Тридохлые, высохшие крысы...

Они крадучись вошли в заброшенный дом.

Гиз шел первый. Он так и не обнажил меч, просто одной рукой придерживал ножны, а пальцами другой легко касался костяного набалдашника рукояти.

Следом за охотником, задыхаясь от страха, тащился Эрл. Он подобрал с земли узкий обломок доски с тремя ржавыми гвоздями, торчащими в разные стороны. Оружие никудышное, даже против человека, не говоря уж о мертвяке. Но все же с палкой в руке Эрл чувствовал себя чуть уверенней.

В доме было не так темно, как они ожидали. Узкие клинки света пронзали дырявую крышу и потолок. На грязном полу возле заколоченных окон в ярких желтых пятнах танцевали бесчисленные пылинки. Сияющим серебром колыхались в углах густые паучы тенета. Сверкали острыми гранями осколки стекла.

Но здесь же, рядом со светом, таился в закоулках густой мрак.

Было тихо и холодно.

– Что мы здесь ищем? – шепнул Эрл.

– Просто осматриваемся, – отозвался Гиз.

Небольшая узкая комната, в которой они оказались, перешагнув порог, была завалена всевозможным хламом. Кучи ветхого тряпья, ржавое железо, сломанная прялка, тележ-

ное колесо, треснувший хомут, рассыпавшийся стул – словно кто-то специально стащил сюда все это барахло, чтобы затруднить путь незваным гостям.

Или же кто-то просто сложил здесь ненужные вещи, освободив тем самым другие помещения старого дома?

– Снова крыса, – Гиз ногой отшвырнул высохший трупик грызуна.

– Они ведь неспроста здесь? – Эрл осторожно перешагнул еще через одну крысу. – Почему их так много?

– Ты что, боишься дохлых крыс?

– В этом доме я боюсь всего.

– Так что особенного в этом доме? Обычная пустующая изба. Уже почти совсем развалившаяся.

– Иногда ночью здесь светятся окна, – помедлив, сказал Эрл. – Я сам не видел, но мне рассказывали.

– Окна же заколочены.

– В промежутках между досками виден огонь.

– Бродяги ночевали.

– И какие-то тени двигаются.

– Точно бродяги... Те, у кого не оказалось денег, чтобы заплатить тебе за ночлег.

– Может быть, – Эрл перехватил дубинку обоими руками. – Скорее всего, так и есть...

Они наконец-то преодолели завалы, перелезли через большую дубовую лавку, опрокинутую на бок, остановились перед дверью, на которой углем были нарисованы какие-то

странные символы: пересекающиеся круги, ломаные линии, замысловато скрещивающиеся черточки.

– Ты понимаешь, что это за знаки? – спросил Эрл.

Гиз пожал плечами:

– Сложно сказать. Что-то подобное я видел и раньше.

– Словно ребенок рисовал.

– Действительно, немного похоже.

– Может быть это предупреждение?

– Хочешь повернуть назад?

– Уже давно.

– Что же... Я не буду просить тебя остаться. Поступай, как хочешь... – Гиз взялся за скобу дверной ручки, отметив про себя, что на ней совсем нет пыли.

Эрл посмотрел назад.

Заваленный мусором, наполненный мраком и холодом коридор казался бесконечно длинным. Быстро перебежать его было невозможно. Его необходимо было преодолеть, перелезая через горы мусора, пробираясь мимо странных предметов, затаившихся в тени, хрустя высохшими тушками крыс...

В одиночку...

– Я с тобой, – вздохнув, сказал Эрл.

– Как хочешь, – равнодушно сказал Гиз и потянул дверную ручку на себя...

Когда-то давным-давно, разговаривая с Гизом, Страж Могил сказал:

– Чтобы преодолеть страх, нужно понять, чего ты боишься и почему. Когда ты с этим разберешься, то неожиданно для себя выяснишь, что бояться тебе нечего. Если же ты не можешь понять, что именно тебя пугает, попробуй привыкнуть к своему страху. И когда твой страх станет привычкой, ты перестанешь его замечать...

Страж Могил всегда говорил умные вещи. Но в том разговоре он, кажется, ошибся.

Гиз боялся мертвяков. Вот уже много лет, почти всю свою жизнь. За это время страх стал частью его природы.

Долгие годы Гиз ждал, что наступит момент, когда он перестанет замечать свой страх.

Годы прошли, а момент так и не наступил...

– Нет ничего страшнее самого страха, – добавил тогда Страж Могил. – Если ты справишься с ним, то больше ничто и никогда не сможет тебя напугать.

Гизу всегда казалось, что в этом утверждении есть что-то неправильное. Но все же он верил Стражу.

Много лет Гиз пытался одолеть свой страх. Он уничтожал мертвяков везде, где только мог. Он приходил на помощь всем, кто его звал – кому-то он помогал бесплатно, с кого-то

брал немного денег, кого-то разорял начисто.

Люди давно прозвали Гиза Бесстрашным. Но сам он только посмеивался над глупостью этого прозвища.

Страх вел Бесстрашного Гиза по жизни.

Это страх сделал его героем...

Исчерканная углем дверь открылась легко и бесшумно, словно петли ее совсем недавно кто-то смазывал.

Гиз медленно вытащил клинок из ножен и боком шагнул во мрак. Следом за ним, занеся неуклюжую дубинку над головой, переступил порог и Эрл. Не пройдя и двух метров, напарники остановились.

Стылый, пахнущий сыростью и гнилью сквозняк тихо притворил за ними дверь.

Скрипнули, будто вздохнули, половицы – это Гиз перенес тяжесть тела на правую, выставленную вперед ногу.

Просторная комната было совершенно пуста. Проникающий сквозь заколоченные окна свет безжалостно полосовал тьму, но справиться с ней не мог. Тонкие лучи, казалось, лишь сгущали мрак.

– Ничего странного не замечаешь? – негромко спросил Гиз.

– Здесь пусто, – попытался угадать Эрл, хотя ему совсем не хотелось тревожить голосом вязкую, словно тряси́на, тишину.

– Здесь чисто, – поправил Гиз. – Здесь все выметено и вымыто.

– И что это значит?

– Пока не знаю.

Держась рядом, они обошли помещение по кругу, осмотрели темные углы. Нашли заколоченный лаз в подполье, остановились рядом. Гиз, отложив меч, присел, внимательно изучил шляпки гвоздей, провел по ним пальцами.

– Пусто... Может пойдём отсюда? – Эрл, видя, что ничего страшного не происходит, чуть расхрабрился. Он забыл про дубинку, про свои страхи; мысленно он уже беседовал со своими соседями, рассказывал им о походе в заброшенный дом.

– Тихо! – вдруг вскинул руку Гиз. – Слушай!

И Эрл застыл. Сердце его обмерло, провалилось к самому желудку, потом подпрыгнуло и бешено заколотилось, разгоняя обжигающе горячую кровь. Испарина крохотными бусинками выступила на лбу, язык онемел, в глазах помутилось.

Эрл услышал голоса, идущие с неба. Зловещий невнятный шепот...

Медленно, осторожно поднялся на ноги Гиз. Посмотрел на потолок, хмурясь. Шагнул чуть в сторону, прислушиваясь к едва слышным голосам. Снова искоса глянул вверх. Приподнялся на мысках.

Эрл был готов упасть в обморок.

Гиз посмотрел на перепуганного спутника, усмехнулся, и неожиданно ударил мечом в потолок, заорал во весь голос:

– А ну, слезайте! Хватит прятаться! Быстро! Кубарем оттуда! А то мертвяка натравлю!

На чердаке раздался пронзительный визг, что-то застучало, заскрежетало, вниз посыпались опилки и сенная труха.

Эрл пошатнулся, глаза его закатились, дубинка выпала из разжавшейся руки. Какое-то мгновение он еще стоял, раскачиваясь, но потом ноги его подогнулись, и он бесформенным кулем рухнул на пол.

Еще на дороге Гиз почувствовал, что за ними следят. Тогда он не придавал этому значения, решив, что это потерявшая мужа Дила смотрит на них из окон своего дома. Но когда они приблизились к заброшенной избе бортника, утонувшей в высокой крапиве и разросшемся малиннике, Гиз понял, что наблюдает за ними кто-то другой.

Наблюдает отсюда – из старого дома.

Если бы не чувство слежки, Гиз, наверное, не разглядел бы едва заметную тропинку, протоптанную легкими – то ли детскими, то ли женскими ногами. Но он знал, что тропа должна быть. И потому обнаружил ее...

Когда они вошли в дом, чувство слежки пропало. Вернее, оно изменилось, стало менее выраженным. Словно те, кто таился в доме, следили за незваными гостями, не глядя на них. Прислушиваясь, поджидая...

Тем не менее, опасности Гиз не чувствовал.

Но он был настороже. Мертвяки, а особенно их хозяйева некроманты, умели обманывать чувства людей.

Гиз не забывал о крысах. Слишком уж много их было. Дохлых. Высохших. Это могло ничего не значить. Но с той же вероятностью могло указывать на то, что мертвяк где-то рядом...

Исчерканная углем дверь напомнила Гизу детство. Ко-

гда-то они – Огерт, Гиз и Нелти – так же разрисовывали двери и стены своих домов. Приговаривали что-то... Что?.. Теперь уж и не упомнишь...

*«... Черный круг – ты нам друг,
Защити всех вокруг!
Черный глаз – скрой всех нас,
Отведи зло от нас...»*

И ведь по-настоящему верили, что так можно защититься от зла.

Дети!..

Детей за дверью не было. Там были мрак и запах разложения. Поэтому Гиз вытащил меч. И снова почувствовал чужой взгляд – словно муха села на переносицу.

Он прошелся по комнате, пытаясь понять, откуда на него смотрят. И только услышав тихие голоса, сообразил – дети прятались на чердаке. Должно быть, они лежали на животах, тая дыхание, глядели вниз сквозь потолочные щели, страшно довольные своей невидимостью. А потом что-то случилось – может кто-то кого-то неловко задел, или увидел жирного паука, ползущего по стропилам, испугался. А может быть просто кто-то из них не сдержался, захотел поделиться переполняющими его чувствами, зашептал, а на него цыкнули, он, обидевшись, ответил...

Гиз ударил мечом в потолок, рывкнул:

– А ну слезайте!..

И они, поняв, что обнаружены, взвизгнули, бросились врассыпную. Но куда убежишь, если выход один? И они послушались. Чуть приподнялась потолочная доска, отошла в сторону. Упала, размотавшись, толстая веревка с палками-перекладинами, вкривь-вкось торчащими из узлов, – неказистое подобие веревочной лестницы.

– А нам ничего не будет? – спросил звонкий ребяческий голос.

– Ничего, – пообещал Гиз. И, чтобы подбодрить малышей, подмигнул им и произнес вспомнившийся наговор: – Черный круг, ты нам друг...

– Мы сейчас... – мелькнуло в тени светлое личико. – Только вы маме не говорите, что мы здесь играли...

– Не буду, – сказал Гиз, убирая ненужный меч.

Их было трое, два мальчика и одна девочка. Немного смущаясь, они назвали свои имена, но Гиз их не запомнил. Да и не старался.

– И давно вы здесь играете? – строго спросил он.

– Давно! – ответил курносый худощавый мальчик, старший в компании.

– А не боитесь?

– Нет, – мальчонка, похоже, был заводилой. – Мы рядом живем.

– Дила – ваша мама?

– Да. А вы охотник?

– Охотник, правильно. А ты откуда знаешь?

– Мама сказала. Она рассказывала, что вы придете, чтобы убить мертвяка.

– Что еще мама говорила?

– Она сказала, что сюда нельзя ходить.

– И объяснила почему?

– Маленьким сюда нельзя! Но мы уже не маленькие.

– Понятно... – не стал спорить Гиз. – А где ваш папа?

– Он ушел в лес, – ответил старший.

– Мама говорит, что он заблудился, – добавила девочка.

Малыш, которому наверное, не было еще и шести лет, горестно хлопнул носом. Большие глаза его вмиг наполнились

слезами. Девочка, заметив, что братишка вот-вот разрыдается, обняла его, прижала к себе, шепнула на ухо что-то утешительное. Сказала, обращаясь к Гизу, словно извиняясь:

– Он еще маленький. Поэтому часто плачет.

– Маленьким можно, – кивнул Гиз. – Скажите, а вы здесь никого чужого не видели?

– Видели, – сказала девочка, осеклась и посмотрела на старшего брата.

– Видели, – подтвердил тот, чуть помедлив.

– Кого? – спросил Гиз.

– Дядьку.

– Какого?

– Большого. Бородатого.

– И что он здесь делал?

– Сначала ел. А потом заснул.

– Когда вы его видели?

– Давно, – сказала девочка.

– Вчера, – сказал ее старший брат.

– И куда он делся?

– Мы не знаем. Сегодня его здесь не было.

– И часто сюда приходят дядьки? – поинтересовался Гиз.

– Часто, – сказала девочка.

– Иногда, – ответил ее брат.

– Этот дядька... Он был страшный? Он вас напугал?

– Нет... – Девочка задумалась. – Когда он спал, я хотела подергать его за бороду.

– Понятно, – пробормотал Гиз, посмотрев на бесчувственного Эрла. – Обычный бродяга, у которого нет денег, чтобы заплатить за ночлег... Вот что, ребята, – повернулся он к детям, – нечего вам здесь делать, бегите-ка домой. Маме вашей я ничего не скажу, а вы пообещайте мне, что больше сюда не придете.

– Обещаем, – неуверенно сказала девочка.

– Обещаем, – бойко ответил ее старший брат. А младший, размазав слезы по щекам, молча кивнул.

– Вот и хорошо, – сказал Гиз, не сомневаясь в том, что подобные обещания дети давали уже не раз. – Не то что бы я вам не верю, но все же, давайте-ка я вас провожу. На всякий случай... – Он подошел к Эрлу, потряс его за плечо: – Эй, друг! Вставай! Слышишь меня? Все уже кончилось, мы, как всегда, победили! Теперь пора уходить!..

Эрл тихо застонал и открыл глаза.

Они впятером покинули заброшенный дом. Продравшись через крапиву и малинник, перебравшись через жерди старой изгороди, вышли на дорогу.

– Ну, до свидания, – сказал Гиз детям. – Сегодня вечером я к вам загляну. Ждите.

– Вы не скажете маме, что мы играли в доме? – в который уже раз спросил курносый паренек.

– Не скажу. Даю слово!

– А еще мама не велела с вами разговаривать, – поделилась девочка.

– Это еще почему? – спросил Гиз.

– Она сказала, что вы почти как мертвяк.

Гиз хмыкнул, усмехнулся криво, почесал в затылке. Пробормотал:

– А у вас умная мама... Все верно сказала...

Селяне были здорово напуганы.

Обычный путник, проходя через деревню, наверное, ничего особенного не заметил бы. Крестьяне, как всегда, занимались своими делами. А дел у них хватало: середина лета – пора сенокоса. С самого раннего утра, пока солнце еще не поднялось высоко, не высушило росу, пока не очнулись мухи и оводы, пока воздух свеж, они с косами на плечах, с рогатинами и граблями шли на луга – словно бойцы, собирающиеся на бой.

Косьбу заканчивали к полудню, возвращались домой, обедали. Потом снова уходили работать – надо было шевелить подсыхающую траву, уже готовое сено сгребать в копны, везти на сеновал. То, что не поместится под кровлей – валить в скирды...

Крестьяне торопились – их подгонял страх. Гиз чувствовал это.

К вечеру деревня словно вымирала. Плотно затворялись ставни, с недавнего времени обитые жестью. Закрывались массивные ворота дворов, подпирались тяжелым бревнами. Гремели засовы, лязгали цепи, стучали накидные крючки и щеколды. К окнам, к дверям пододвигалась мебель. Даже печные трубы перекрывались чугунными заслонками.

Селяне словно готовились к осаде.

Мало кто отваживался выйти на улицу в сумерки. И никто носа не высовывал из дому ночью.

В ночной тьме по затихшей деревне бродил мертвяк...

Перекусив в заведении Эрла, оставив хозяина отдыхать после перенесенного потрясения, Гиз отправился к деревенскому кузнецу. Тот жил рядом с постоянным двором, и соседство это было удобно как ему самому, так и постояльцам Эрла. Лишь сами селяне не слишком были рады тому, что шумная и дымная кузница располагается почти в самом центре деревни.

Кузнец был дома. Увидев гостя в окно, он вышел на крыльцо своей небольшой избенки, уважительно поздоровался, пригласил внутрь, усадил за стол, велел жене принести самогонки и чего-нибудь съестного. Поинтересовался:

– По делу или так?

– По делу, – ответил Гиз. – Время подходит.

– Это хорошо...

Молчаливая неулыбчивая хозяйка принесла узкогорлый кувшин с вонючим самогоном, плоскую тарелку с лепешками и тонкими кусочками кровяной колбасы, поставила перед гостем.

– Все сделал, что я просил? – Гиз разломил лепешку. Есть он не хотел, но обижать хозяев было нельзя.

Кузнец кивнул:

– Исполнил лучшим образом.

– Проволока надежная?

– Я из такой кольчужные кольца делаю.

– Крючья с зазубринами?

– И отточены так, что сами цепляются.

– Бубенцы?

– Подобрал самые звонкие.

– Что ж... Спасибо за работу.

– Может еще что потребуется? – Кузнец разлил самогон по жестяным кружкам. Ту, что была поновей и почище, подвинул к гостю.

– Потребуется, – сказал Гиз.

– Говори, что надо.

– Люди будут нужны. Завтра утром, на рассвете, приходи к дому Дилы.

Кузнец ответил не сразу. Сперва заглянул в свою кружку, призадумался.

– Ну так что, придешь? – спросил Гиз.

– А кто еще будет?

– Я буду. Эрл будет. Все будут, кого собрать сумеете.

Кузнец покачал головой:

– Сомневаюсь я, что пойдут люди. Страшное это дело, на мертвяка охотиться. Не крестьянское.

– Ну, думай, – сказал Гиз, отодвинув кружку с самогоном. – Время пока есть – день сегодняшней, вечер. И ночь. А утром приходи.

Кузнец промолчал, только пожал широкими плечами.

– Ладно, пойдем, – поднялся Гиз. – Покажешь мне свою

работу.

В кузне пахло дымом и окалиной. Закопченные стены были увешаны инструментом, на земляном полу валялись ржавые куски железа, в углу стоял большой чан с водой. От не успевшего еще остыть горна веяло сухим жаром.

– Вот, – кузнец протянул Гизу холщовую сумку. – Здесь все, что ты просил. Крючки я воткнул в деревяшки, чтоб не цеплялись. Все аккуратно смотал, уложил – разберешься.

– Сколько я тебе должен? – спросил Гиз.

– Мелочь! – отмахнулся кузнец. – Просто избавь нас от мертвяка.

Распрощавшись с кузнецом, Гиз направился к старой Исте за вторым своим заказом.

Старуха жила одна в крохотной, вросшей в землю избушке, крытой дерном. Крестьяне ее уважали, но все же старались держаться подальше – они считали, что старая Иста ведьма, и не решались беспокоить ее по пустякам. К старухе обращались лишь в крайних случаях – если кто-то заболел, или дохла скотина, или засуха грозила сгубить весь урожай. Мудрая старая женщина помогала, чем могла, но денег никогда не брала. Все свободное время она занималась рукоделием: вязала, вышивала, ткала. В деревне считали, что ведьмины поделки обладают волшебной силой. Поэтому в каждой семье было что-то, созданное ее руками, – вышитое полотенце ли, плетеная из бересты солонка, деревянное ожерелье, тряпичная кукла.

Свой дом старая Иста никогда не запирала. Даже появление мертвяка не изменило ее привычки – как и прежде, дверь ее избы была открыта для всех...

– Здравствуй, бабушка, – сказал Гиз, переступив порог.

– А, пришел... – Иста улыбнулась, показав голые десны. – Жду. С самого утра все жду и жду...

– Значит, сделала, что я просил?

– Конечно, сделала. Работа простая, не трудная. Мне, ста-

рой, все равно заняться нечем, а когда дело есть, когда руки заняты, жить не так скучно...

– Хорошо, бабушка, – Гиз понимал, что дай ведьме волю, она проговорит до самой ночи. – Где всё?

– Да вон узелок возле окна лежит, возьми. Я уж вставать не буду, кости болят, спина совсем не гнется...

– Конечно, сиди, бабушка. Спасибо тебе. Сколько за работу отдать?

– Да что ты! Какая тут работа? Смех один! Убери, убери кошель-то! Деньги мне не нужны. Ты вон лучше пособи, окошко протри от пыли, а то совсем стало мутное, ничегошеньки не видать, что там на улице делается... Вот спасибо тебе, красивый... А денег не нужно... Приходили ко мне люди, очень просили тебе помочь, если надо будет. Вот я и помогла... И тебе, и людям... Оно ведь так правильно – помогать всегда надо. А что это за помощь, если за деньги?..

Гиз еще раз поблагодарил старую Исту и поспешил покинуть ее дом. Слишком уж низкие здесь были потолки, они давили сверху, заставляли втягивать голову, и запах стоял кислый, тяжелый, неприятный – запах старости.

Гиз не очень-то надеялся на память ведьмы и потому, оказавшись на улице, развязал полученный от нее узел. Хмыкнул удовлетворенно.

Иста все сделала, как надо.

В холщовую тряпицу были завернуты несколько маленьких берестяных коробочек с семенами гречихи и проса.

Теперь у охотника было все необходимое для охоты.

Солнце стояло еще высоко, поэтому Гиз не спешил.

Бросив вещи в своей комнате, перекинувшись парой слов с Эрлом, он решил прогуляться.

В деревне охотника уже знали. Крестьяне издали кивали ему, здороваясь, но лишь немногие осмеливались подойти ближе, чтобы пожать руку. Некоторых из них Гиз узнавал: толстый Минс – шумный весельчак, жизнелюб и балагур; плотник Гетор с топором за поясом; кривоногий немногословный Кир; угрюмый Эст – крепкий сильный мужик, но забитый женой.

– Завтра утром, – говорил им всем Гиз. – На рассвете, когда появится солнце, приходите к дому Дилы. Передайте всем...

Охотник видел, что крестьяне боятся. Он знал, что придут немногие – хорошо, если десяток человек соберется. Кого-то не отпустит жена, у кого-то обнаружатся неотложные дела, кто-то почувствует недомогание...

Они считают, что убить мертвяка – обязанность охотника. Ему за это заплачено. Вот и пусть отработывает деньги.

А у них и без того дел хватает.

Каждый должен выполнять свою работу. На этом держится мир...

Гиз догадывался, о чем сейчас думают селяне. Он их по-

нимал, и не собирался с ними спорить, ведь они были правы.

Только вот убить мертвяка – это еще не все.

Нужно найти человека, который сумел поднять мертвого.

А уж с этим человеком – Гиз предчувствовал это – разбираться будут сами селяне.

Это уже их дело...

Незадолго до захода солнца Гиз собрал все свои вещи и покинул постоянный двор, на прощание пожав руку молчаливому Эрлу.

– Завтра утром возле дома Дилы, – напомнил он еще раз. Охотник не успел сойти с крыльца, а за его спиной уже лязгали прочные засовы...

Ночь кралась с востока, со стороны темнеющих лесов. Небо еще светилось, но на земле лежали густые тени – словно натянутые полотнища черной материи. Избы сделались похожи на огромных спящих животных – глаза-окна закрыты веками ставней, крепко сомкнуты пасти дверей и ворот.

Гиз шагал по тихой улице и ему казалось, что он единственный живой человек во всей деревне.

– Черный глаз... – пробормотал охотник. – Скрой всех нас...

Он вдруг вспомнил мертвое селение, через которое проходил совсем недавно – дней десять назад. Там были такие же дома – тихие, темные. И от них веяло холодом. Ни единого человека не было в той деревне. Никого живого, только паршивый пес, поджав хвост, долго бежал за торопящимся путником, но потом тоже куда-то сгинул... Что там произошло? Куда делись все люди?

Слишком много мертвых встречается на пути последнее

время. И это так далеко от Кладбища. Что же тогда происходит рядом с ним?..

«Мертвые беспокоятся, когда в мире что-то меняется, – не раз повторял Страж. – Когда живые люди начинают менять мир, оживают и мертвые».

– А подняв мертвых, можно изменить мир, – проговорил Гиз вслух и вздрогнул. Ему показалось, что фразу эту произнес не он.

– Не выспался, – констатировал Гиз. – Это все кошмар. И когда я от него отделаюсь? – Он вспомнил Нелти, свою не родную сестру. Однажды она пыталась избавить его от дурных снов. И не смогла. Не сумела. Тогда им было плохо, очень плохо. Обоим. Им казалось, что они теряют рассудок. Кошмарные сны вдруг стали явью. Ночные призраки обрели плоть. Жуткие видения приходили белым днем.

Жирная муха, ползающая по бесформенным губам...

Немало времени прошло, прежде чем кошмары вернулись туда, где им положено быть, – в сновидения...

Гиз остановился на дороге рядом с домом Дилы. Обернувшись, внимательно осмотрел заброшенную избу бортника Лорта. Сейчас Гиз жалел, что не обыскал ее сверху до низу. Он чувствовал, что с избой этой что-то не в порядке. Возможно, именно там скрывался мертвяк.

Но почему тогда дети его на заметили?..

Идти сейчас в заброшенную избу было безумием. Ночь уже подступала. Прячущийся в тени, затаившийся в густых

зарослях дом выглядел зловеще.

Этот дом сам был живым мертвецом.

– Я до тебя еще доберусь, – пригрозил охотник шепотом и свернул на тропку, ведущую к дому Дилы.

Хозяйка не открывала долго.

Гиз стучал и стучал в дверь, несколько раз подходил к окнам, барабанил в закрытые ставни, кричал:

– Дила, открывай! Это я, Гиз, охотник!..

Его не могли не слышать. Но он понимал, почему никто не выходит – там, в избе, женщина и три ребенка, слыша доносящийся с улицы шум, наверно, сходили с ума от страха.

– Дила! Я обещал, что вернусь вечером! Вот я и пришел! Я буду вас защищать! Не бойтесь! Открывайте!..

Теперь у него оставалось не так много времени. А еще нужно было все приготовить к приходу мертвяка.

– Дила! Я не смогу вам помочь, если вы не пустите меня внутрь!..

– Это ты, охотник? – Толстая дверь, обитая металлическими полосами, глушила и без того негромкий голос.

– Я! Я же говорил, что вернусь. Вы что, меня не ждете?

– Мы боимся... – Послышался скрежет отодвигаемого засова. Потом лязгнули накидные крючки, скрипнула дверь. В узкой щели мелькнул огонек.

– Ну? Видишь, что это я? – Гиз чуть отступил.

– Сейчас вижу... – Загремела цепь, огонек сделался чуть ярче, дверь открылась пошире. – Заходи.

– А я уж и не надеялся... – Гиз, придерживая меч, боком

протиснулся в узкий проем, втащил за собой мешок с принадлежностями.

Дила тут же захлопнула за гостем дверь, навалилась на нее, сунула в скобы железный засов, задвинула его, накинула на петли крючки, обвила их цепью. Подергала, покачала запоры, проверяя их надежность. Взяла с лавки светильник. И только в этот момент, глянув на трепещущий огонек, Гиз заметил, насколько сильно дрожат у женщины руки.

– Дети внутри? – спросил он, осматривая темные сени.

– Да. Я уложила их спать.

– И они спят?

– Нет.

– Из дома есть еще какой-нибудь выход?

– Нет.

– Значит, ты зря заперла дверь. Скажи, где чаще всего ходит мертвяк?

– Здесь.

– У двери?

– Да. У двери и под окнами... – Заметно было, что женщине стоит больших усилий говорить спокойно. – Мне кажется, он хочет попасть внутрь.

– И что же его сюда тянет? – словно невзначай поинтересовался Гиз.

– Не знаю, – ответила женщина. И охотник понял, что она лжет.

– В конце-концов, это не важно, – сказал он. – Важно лишь

то, что мы хотим от него избавиться. Я прав?

– Да.

– Ты будешь мне помогать?

Дила ответила не сразу. Она посмотрела охотнику в глаза, выдержала паузу. Ответила нерешительно:

– Я попробую.

– Тогда начнем прямо сейчас, пока еще совсем не стемнело. У меня с собой хитрая снасть, ее необходимо установить на улице. И сделать это нужно так, чтобы мертвяк не прошел мимо.

– А разве... – женщина замялась. – Разве нельзя его просто зарубить? – Она посмотрела на меч, висящий у Гиза на поясе.

– Можно, – сказал охотник. – Но это будет не так интересно... Отпирай дверь!

В двух шагах от крыльца, прямо на ухоженной тропке, Гиз вбил в землю несколько небольших колышков. Затем из мешка достал полученную от кузнеца сумку, развязал ее, вытащил оттуда бесформенный ком своей замысловатой снасти, принялся аккуратно ее распутывать – расплел тонкие кожаные ремни, размотал жесткую проволоку, расцепил рыболовные крючки, острые жала которых пока еще прятались в щепках. Развернул, расстелил замысловатое плетение, вывободил крючья, привязал растяжки к колышкам, приподняв снасть над землей – словно силки поставил. Прочные силки, цепкие, жуткие – сплетенные из кожи и проволоки, обвешанные гроздьями зазубренных крючков – только наступи ногой, и уже не выберешься – острые стальные когти глубоко вопьются в живое мясо, и радостно зазвенят подвешенные бубенчики, сообщая о том, что жертва попалась...

Гиз обошел ловушку, еще раз внимательно ее осмотрел. Убедившись, что все в порядке, достал из мешка узел, что дала ему старая Иста, развязал его, вывалил на землю легкие берестяные коробочки, стал прилаживать их к снасти – на низывал на проволоку, подвязывал суровыми нитками, для пущей надежности насаживал на крючки. Просо и гречка сыпались охотнику в руки, но он не обращал на это внимания – семян в коробочках оставалось много...

Дила стояла на ступенях крыльца, тупо смотрела на охотника. Она не понимала, что он делает. Да и не пыталась. Мысли ее были заняты другим.

Женщина со страхом ждала возвращения мертвеца.

– Теперь остались сущие пустяки, – сказал Гиз, глянув на темнеющее небо. Всё из того же мешка он достал небольшую плетенку, откинул крышку, вынул связанного, придушенного, но еще живого петуха, разгладил ему перья, провел пальцами по гребню. Положил под ноги, вытащил из ножен меч, занес над головой.

Петух, вывернув шею, смиренно глядел на блестящий клинок.

Быстрым ударом Гиз обезглавил птицу. Не теряя времени, воткнул меч в землю, схватил петуха за ноги, несколько раз махнул тушкой, кропя темной кровью на снаряженные силки. Потом бросил еще дергающуюся птицу в самый центр снасти.

Петух повис на проволоке и ремнях. Густая кровь тонкой струйкой лилась на землю.

– Мимо это ты точно не пройдешь, – пробормотал Гиз. – Но на всякий случай... – Он запустил руку в плетенку, ухватил там что-то, вытащил кулак. Присев на корточки, осторожно взял пальцами ближайший крючок.

Было уже довольно темно, и Гиз не хотел сослепу попасть в собственную ловушку.

– Не умирай сразу... – Охотник разжал пальцы. На его ла-

дони, подобрав лапы, лежала толстая белобрюхая лягушка. – Подергайся... – Он подцепил ее на крючок, подумав, что лягушки, наверное, в отличие от мертвяков, чувствуют боль. – Кто знает, вдруг ты ухитришься выжить? – Он снова сунул руку в корзину. – Надеюсь, вместе вам будет не так скучно...

Он насадил на крючки еще четырех лягушек. Они висели, касаясь лапами земли, и время от времени дергались, пытаясь освободиться.

Гиз поймал себя на мысли, что жалеет их. Это было глупо.

– Ну вот и все, – удовлетворенно сказал он, в последний раз осматривая подготовленную ловушку.

Мимо мертвяк не пройдет. Даже если он обойдет это место стороной, то дергающиеся лягушки, тихое звяканье бубенчиков и запах свежей крови привлекут его внимание.

Он шагнет прямо в расставленные силки, потянется за тушкой петуха, чтобы утолить свой голод. Скорей всего споткнется, запутавшись в проволоке, упадет на острые крючья. А уж они-то ни за что его не отпустят...

– Неужели эта штука удержит мертвяка? – спросила Дила, когда Гиз взошел на крыльцо.

– Нет, конечно, – ответил охотник. – Скорей всего, он даже не заметит, что попался на крючок.

В избе было все так же холодно. Два крохотных светильника – один в руках у Дилы, другой в углу над столом, – сильно чадили и почти не давали света. Вокруг – на стенах, полу, потолке – дышало и шевелилось сонмище черных теней.

– Где дети? – спросил Гиз, осматриваясь.

– Спят за печью, – шепотом ответила хозяйка. – У них есть своя комната, но оставаться там на ночь они боятся. Да и мне спокойней, когда они рядом.

– Сколько вообще в доме комнат? – поинтересовался Гиз.

– Три отапливаемых, кухня, чулан и горница.

– Большой дом, – сказал Гиз.

– Большой, – согласилась Дила.

– Где меня уложишь?

– А где захочешь. Пол просторный, еще сотня человек поместится.

– Мне бы где-нибудь под окнами. Чтобы слышать, как мертвяк бродит.

– Иди в горницу, – сказала Дила. – Там окна на три стороны выходят. И тихо там, все услышишь, что на улице делается. Только вот ставней там, а окна я намертво заколотила.

– Намертво? – Гиз хмыкнул. – Ну, пойдем, посмотрим.

В горнице было еще холодней, а тьма загустела так, что ею, казалось, можно было захлебнуться.

Когда хозяйка шагнула в дверной проем и приподняла светильник, обретшие форму тени шарахнулись в стороны. Они были словно живые, и Гиз невольно схватился за меч.

– Я принесу тебе свечу, – сказала Дила, пропустив гостя вперед. Сама она осталась у порога. Казалось, женщина боится сделать еще шаг. – Можешь лечь на сундуке, он достаточно большой и крепкий. Если не понравится, укладывайся на полу, но здесь водятся мыши.

– Я не боюсь мышей, – сказал Гиз.

– В темноте они могут напугать даже самого храброго человека, – сказала женщина, и Гиз не нашелся, что ответить.

– Я принесу тебе овчину, чтобы укутаться, – сказала Дила. – Здесь очень холодно.

– У тебя всегда так?

– Нет... – Она хотела еще что-то сказать, но осеклась.

– Только несколько последних дней, – предположил Гиз.

– Да... – чувствовалось, что женщина не хочет говорить на эту тему.

– Начиная с той самой ночи, когда впервые появился мертвяк.

– Так убей его! – внезапно зло и напористо сказала жен-

щина. – Убей его, и мой дом снова станет теплым и уютным!

– Возможно, – спокойно проговорил Гиз. – Но прежде я бы хотел услышать то, что ты ото всех скрываешь.

Даже при тусклом свете фитиля было заметно, как дрогнуло лицо Дилы. Но женщина мгновенно справилась с собой, нахмурилась, поджала губы:

– О чем ты говоришь, охотник?:

– Ты отлично меня понимаешь.

– Кажется, нет...

Гиз приблизился к ней вплотную, посмотрел в глаза. Сказал вкрадчиво:

– Ты же видела мертвяка, признайся...

– Нет.

– Ты узнала его...

– Нет... нет... – В голосе женщины послышался страх. Но страх чего?

– Кто это был? Твой муж? Твой пропавший муж! Скажи мне! – напирал Гиз.

– Я не видела его! – женщина вжалась в стену. – Я не знаю, кто это! Не знаю!

– Почему он приходит сюда? Ты догадываешься? Ты знаешь!

– Нет! Не знаю! – Дила оттолкнула охотника. – Я ничего не знаю! Я позвала тебя, чтобы ты его убил! А ты мучаешь меня!

– Ладно, – сдался Гиз, отступая. – Я надеялся, что ты мне

поможешь. Но если ты не хочешь говорить – не надо. Все равно, я точно знаю, что у тебя есть какая-то тайна, и я в любом случае докопаюсь до ее разгадки. И для тебя же будет лучше, если это произойдет раньше. А иначе я не смогу выполнить то, ради чего я здесь. Я не сумею защитить вашу деревню! Тебя и твоих детей!

Дила вздрогнула, словно ее ударили. Растеряно опустила глаза, обмякла, ссутулилась. Пробормотала чуть слышно:

– Это он...

– Что? – Гиз взял ее за плечи, встряхнул. – Что ты сказала?

– Это он... – повторила женщина. – Это Гест... мой муж...

– Ты видела его?

– Только его силуэт.

– Слышала его?

– Да.

– Он что-то говорил?

– Он стонал. Я не уверена, но мне показалось, что он звал меня и детей. И просил, чтобы его впустили, жаловался, что страшно голоден.

– Ты разговаривала с ним?

– Нет.

– Нельзя разговаривать с мертвяками!

– Я не сказала ему ни слова.

– Но ты знаешь, почему он вернулся?

– Нет.

– Ты догадываешься, из-за чего твой муж стал мертвяком?

– Нет... – женщина отвечала твердо, но Гиз чувствовал, что она снова врет. Или не говорит всей правды.

– Скажи мне! – напирал Гиз. – Доверься! Это поможет и мне, и тебе!

– Я уже все сказала!

– Ты не сказала самого главного!

– Мне больше нечего сказать!

– А о заброшенном доме напротив? О нем тебе тоже нечего сказать?!

Женщина запнулась, застыла с открытым ртом, буравя взглядом лицо Гиза. Светильник в ее руке заметно дрожал, по стенам и потолку скакали тени.

– Уходи! – Она вдруг с силой толкнула дверь. – Вон отсюда! Немедленно!

– Эй, – Гиз даже растерялся. – Чего это на тебя нашло?

– Убирайся прочь из моего дома!

– А как же мертвяк? Я обещал вас от него избавить. Я должен это сделать. Обязан!

– Ты... – голос женщины задрожал. – Ты... ты специально меня мучаешь!

– Нет же! – запротестовал Гиз, чувствуя себя глупо и неудобно. – Я просто делаю свою работу.

– Ты обвиняешь меня в чем-то... Я не понимаю... – Женщина закрыла лицо свободной рукой, всхлипнула. – Я ни в чем не виновата...

– Хорошо, я тебе верю... – В этот момент Гиз, действи-

тельно, усомнился в себе, в своих подозрениях, догадках, предчувствиях. – Я просто пытался как следует во всем разобраться...

Дила тихо плакала. А Гиз все оправдывался, начиная злиться на себя, на собственную неуверенность:

– Я думал... Я надеялся, что ты можешь что-то прояснить... Я же чужой здесь. Я не знаю всего... А каждая мелочь может оказаться важной...

– Мы устали, – Женщина рукавом вытерла слезы, искоса заглянула охотнику в лицо. – Мы все очень устали бояться... Ты действительно нам поможешь?

– Я постараюсь, – ответил Гиз.

– Хорошо... – Дила почти успокоилась. – Оставайся... Я принесу тебе овчину и свечу.

– И захвати чего-нибудь попить, – сказал Гиз.

– Разве только воды.

– Меня это устроит.

Дила вышла, и Гиз на какое-то время остался один. В полной, абсолютно непроглядной темноте.

Касаясь рукой стены, он прокрался к большому сундуку – едва ли не единственному здесь предмету мебели – ощупал его, присел на край. Положил меч на колени, закрыл глаза, сосредоточился, пытаясь уверить себя, что ничего страшного в окружающем мраке нет.

«...Если не можешь справиться со своим страхом, – говорил когда-то Страж, – сделай его источником своей силы. Заметь, если человек боится паука, и если он увидит его рядом с собой, то немедленно вскочит, чтобы убить насекомое. И для этого человека неважно будет, чем он только что занимался – отдыхал ли, обедал, разговаривал с кем-то. Даже если он устал, если он уже был готов заснуть, он мгновенно очнется, схватит первую попавшуюся вещь и прихлопнет несчастного паука с такой силой, что от того и мокрого места не останется. А если пауку посчастливится избежать удара, если он куда-нибудь заползет, спрячется, то человек, даже если он ленив, все перевернет, лишь бы найти безобидное, но внушающее страх насекомое. Страх придает человеку силы. Страх – это сама сила...»

Гиз провел ладонью по ножнам. Коснулся пальцами косячного набалдашника рукояти.

«...схватит первую попавшуюся вещь...»

– Они устали, – негромко сказал Гиз. – Они очень устали бояться, и просят меня помочь... – Он покачал головой, наполовину вытащил клинок из ножен. Сталь, как обычно в темноте, светилась, ничего не освещая. – Я помогу им. Но кто поможет мне?..

Гиз часто размышлял вслух. Это помогало ему собраться, сконцентрироваться на проблеме. Кроме того, разговаривая с собой, он успокаивался. Возникало обманчивое ощущение, что он не один, что рядом с ним надежный товарищ, понимающий собеседник.

– Я тоже устал, – сказал Гиз.

– Тогда поспи, – отозвался кто-то, и охотник вздрогнул. Снова ожившие тени отскочили к стенам, вспрыгнули на потолок, закачались, заколыхались, задрожали, страшась света.

Неся перед собой толстую свечу, прикрывая ладонью желтый слабый огонек, в горницу вошла Дила. Сбросила с плеча выделанную овечью шкуру, ногой пихнула ее к сидящему на сундуке охотнику. Присев, поставила на пол свечу. И снова ушла, не закрыв за собой дверь.

Гиз посмотрел на огонек и уже не мог отвести взгляд. Крохотный лоскуток желтого пламени – он один порождал полчища уродливых теней, и каждое его легкое трепыхание отражалось пляской тьмы.

– словно некромант, поднимающий мертвых, – пробормотал Гиз, невольно сжимая рукоять меча.

– Ты что-то сказал? – Хозяйка снова вернулась. На этот раз она принесла большой ковш, полный воды.

– Нет, ничего... Я просто думаю.

– Здесь тебе попить, – Дила поставила ковш рядом со свечой.

– Спасибо.

– Может быть, надо еще что-нибудь?

Гиз пожал плечами:

– Только лишь то, что я уже просил.

– Я все принесла.

– Нет, не все.

– Что еще? Кажется, ты просил только воды.

– Я просил рассказать мне то, что знаешь ты одна.

– Опять, охотник?

– Нет... Я не могу принудить тебя к чему-то. Но я хочу тебе сказать, что мертвяк не зря ходит к твоему дому. Ты это и без меня знаешь. Так что же его сюда гонит? Ты ведь догадываешься, не правда ли?

– Мне нечего тебе сказать, охотник. Спокойной ночи.

– И тебе спокойной ночи, Дила. Но если вдруг ты увидишь кошмар, если тебе станет беспокойно... Я буду ждать тебя, Дила... Подумай. Пойми. Ты можешь помочь мне. Можешь помочь себе и своим детям. Твоим соседям. Просто расскажи, то, что знаешь.

– Ты надоел мне, охотник, – Женщина отвернулась. – Ты страшно занудлив.

– Мне часто об этом говорили, – усмехнулся Гиз. – Но мало кто из тех людей могут это повторить...

Дила хлопнула дверью, не дослушав охотника. Дернулось пламя свечи.

– Сегодня ночью все станет ясно, – негромко сказал Гиз. – Я это чувствую.

Гиз хорошо помнил тот день, когда впервые обнаружил свой дар. День, когда его жизнь, едва не оборвавшись, резко переменялась. Так же, как жизни его друзей – Огерта и Нелти.

Все началось с детской забавы. А закончилось страшной схваткой.

Тогда они сделали невозможное. Три ребенка совершили то, с чем не смогли бы справиться взрослые.

Значит ли это, что в тех детях было нечто особенное?

Или же они были обычными детьми, но страшная встреча как-то их изменила?

И через много лет Гиз не мог дать ответы на эти вопросы.

В одном он был уверен – если б не его дар, они бы не выжили.

Тогда, в тот самый день, их всех спасло предчувствие Гиза...

Свеча укоротилась на половину. А ночи не было видно конца.

Гиз лежал на жестком сундуке, укрыв ноги сладко пахнущей овчиной, и наблюдал, как по столбику свечи стекают горячие капли воска. За стеной, совсем рядом, возились мыши – должно быть там у них было гнездо. Иногда они затихали, и тогда Гиз тихонько стучал пяткой в стену. Мертвая тишина была ему не по душе. А под негромкое шуршание и поскребывание и думалось легче...

Охотник перебирал в уме факты, которые удалось ему узнать. Он представлял их нарисованными на карточках, и тасовал эти воображаемые пестрые картинки, мешал, раскладывал по-всякому. Что-то домысливал, что-то отбрасывал. Порой он так увлекался, что забывал обо всем. Даже о своем страхе. Он перешептывался сам с собой. Разговаривал с мечом и со свечой, обращался даже к теням.

Гиз пытался угадать, кто поднял мертвеца. И торопился успеть сделать это до того, как все откроется само по себе.

Охотник знал, что мертвяк – это муж Дилы – бывший муж. Он ушел в лес и пропал. Вернулся только через несколько дней. Ночью пришел домой. Мертвый. И не смог попасть внутрь. Под утро куда-то пропал. А следующей ночью появился вновь... Его видела бывшая жена, она узнала

его, испугалась. Это она рассказала всей деревне о мертвяке, но не сказала, кто он такой. Почему? Возможных причин много... Это она первой предложила нанять охотника, чтобы убить мертвяка. Это в ее избе веет холодом. И это она запретила своим детям играть в заброшенном доме.

В доме, который кем-то совсем недавно был начисто выметен. А ход в подвал которого заколочен, точно так же, как заколочены окна в этой горнице – видно, что молоток был в неопытной руке, на дереве множество вмятин от промахов, некоторые гвозди искривлены, забиты не полностью...

Дила что-то скрывает, она сильно напугана, хоть и старается это не показывать.

Дила – некромант? Но почему тогда она боится своего мертвяка? Или же она только притворяется? Надеется провести охотника?

Зачем тогда вообще надо было обращаться к нему за помощью?

Возможно, Дила сама не знает о своих способностях. Она оживила мертвого, не подозревая об этом. А теперь поняла, в чем дело, но боится признаться.

Неужели так?..

Очень похоже на правду...

И все же необходимо сперва убедиться, что догадка верна. Нельзя обвинять невиновного человека.

Нужно подождать.

Совсем немного...

А свеча все короче и короче.

И мысли уже начинают путаться...

Гиз сам не заметил, как провалился в какое-то забытье. Он, вроде бы, не спал, но и реальности его разум уже не принадлежал. Оцепеневший охотник по-прежнему смотрел на колеблющееся пламя свечи, но не видел его. Сознание Гиза переместилось в другое место, в другое время. Туда, где он был уже не раз.

Охотник вернулся в свой кошмар.

– ...Он шевельнулся! Шевельнулся! – Гиз пятился от мертвяка. – Я видел!

– Перестань! – побледневший Огерт не двигался с места. Он был старшим в их компании, ему недавно исполнилось тринадцать лет. Он был заводилой, лидером, и этот статус не позволял ему выказывать свой страх. – Ты меня не напугаешь, Гиз. Дурацкая шутка!

– Честное слово, я видел!

– И что же ты видел, малыш? – сейчас голос Огерта звучал издевательски. Но Гиз не обратил на это внимания. Он понимал, что таким образом друг пытается справиться со своим страхом.

– Муха заползла ему в рот! Вы видели? Он съел ее. И дернулся...

Онемевшая Нелти крепко вцепилась в осину, словно собиралась вскарабкаться на нее при малейшей опасности.

– Малыш Гиз наделал в штаны, – сказал Огерт. – Малыш что-то вообразил... Эй, Нелти, ты видела что-нибудь?

Девочка помотала головой.

– Никто ничего не видел... – Огерт вытащил из голенища сапога свой знаменитый тесак и теперь держал его перед собой. – Один только наш малыш...

Гиз снова посмотрел на мертвеца.

Неужели действительно почудилось?

Все та же жуткая гримаса искажала неподвижное страшное лицо.

Но куда делась муха?

– Мне показалось, что он шевельнулся, – неуверенно сказал Гиз. – Его рот закрылся. А потом он дернулся...

Жирная муха выползла из черной ноздри мертвеца.

– Мне показалось... – совсем уже тихо повторил Гиз.

– Ему показалось! – фыркнул Огерт и опустил тесак.

– Пойдемте домой, – жалобно пискнула Нелти.

– Сейчас, – сказал Огерт и шагнул к мертвецу. – Только отрежу лоскут от одежды покойника.

Муха почистила крылья и зажужжала, в очередной раз пробуя взлететь. Гиз смотрел на нее, пытаясь разобраться, что именно в этой мухе ему не нравится.

– Подожди, Огерт...

– Ну что еще?

– Зачем тебе лоскут? – спросил Гиз, хотя и без того знал ответ. Он просто хотел задержать друга, потому что чувствовал нечто...

Тревогу... Опасность...

– Должен же я как-то доказать Рону, что мы здесь были, – пожал плечами Огерт.

– Не подходи к нему близко, Огерт!.. – Гиз следил за мухой. А она вела себя точно так же, как и несколько минут назад, за мгновения до того, как Гизу показалось, что труп

ожил. Сперва муха прошла по носу, потом заползла в гниющую рану на скуле, развернулась там, подпрыгнула, жужжа. Переползла на подбородок, затем на губы...

Кажется, она в точности повторяла все свои действия.

– Ты опять за старое, малыш? – Огерт приостановился.

– Муха... – прошептал Гиз, начиная все понимать. – Я все это уже видел!

– Прекрати! – отмахнулся Огерт. – Второй раз ты меня не проведешь... – Он присел рядом с мертвецом, потянулся к нему, брезгливо морщась.

– Не трогай его, Огерт! – вскрикнул Гиз, уже зная, что сейчас случится.

Жирная муха, перестав жужжать, заползла в черную щель рта.

И вспухшие губы знакомо сомкнулись. С хрустом сжались челюсти. Дрогнули высохшие веки.

Мертвяк шевельнулся. Рука его дернулась, и тонкие страшные пальцы крепко вцепились в ногу Огерта...

Гиз очнулся в полной темноте.

Свеча погасла, – судя по запаху – только что.

Преодолев неприятное чувство, так похожее на страх, Гиз вытянул руку во тьму. Невольно представилось, что пальцы сейчас ткнутся во что-то холодное, скользкое, разлагающееся... Или кто-то, прячущийся во мраке, совсем близко, крепко схватит за запястье, молча и неумолимо потянет к себе...

От свечи осталась лужа горячего воска – Гиз попал в нее ладонью. Он отдернул руку, вытер ее об овчину, поскреб ногтями жесткую корочку воска, вмиг застывшего на коже.

И вдруг услышал тихий шорох. Напрягся, нашарил меч, взялся за рукоять. Замер, напряженно вслушиваясь.

Через несколько растянувшихся мгновений шорох повторился. Гиз повернул голову в ту сторону, откуда донесся шум, попытался хоть что-то рассмотреть. Медленно приподнялся, вытащил меч из ножен. Клинок чуть светился, как светятся осиновые гнилушки, и охотник почувствовал себя несколько уверенней. Но он, все равно, ничего не видел.

Гиз, стараясь не шуметь, опустил ноги на пол. Сел. Чуть наклонился вперед, повел перед собой мечом. Тихо шепнул: – Кто здесь?

...с мертвяком нельзя разговаривать...

Опять что-то зашуршало – на этот раз совсем рядом, где-

то на уровне пола. Казалось, невидимый враг, подкрадываясь, ползет по-змеиному.

Гиз левой рукой нашарил пустые ножны, сжал их, ощупал. Кончиками пальцев нашел сторону, на которой была прикреплена тонкая полоска наждачного камня.

Шуршание послышалось справа. Потом, мгновением позже, слева.

Гиз крепко прижал клинок к ножнам. Пригнулся, напряжился, готовый броситься на врагов, если они действительно прячутся во тьме. Если их можно будет увидеть...

– Дила, это ведь не ты? – чуть слышно спросил он. – И не вы, дети?

Вместо ответа Гиз снова услышал шорох.

Больше он ждать не стал – рывком вскочил, шаркнул сталью клинка о каменную пластину на ножнах, высек сноп искр – короткая вспышка отбросила мрак к стенам. И Гиз успел разглядеть своих противников.

«В темноте они могут напугать даже самого храброго человека...»

– Мыши, – выдохнул Гиз, досадуя на свой страх, злясь на свое разыгравшееся воображение. – Ну конечно же, мыши...

Он опустил меч, присел на угол сундука.

Страх бесследно испарился. Тьма уже не казалась жуткой, а тишина – зловещей. Даже кошмар забылся.

Гиз усмехнулся, покачал головой. Хорошо, что никто не видел, как он тут размахивал клинком, распугивая домаш-

них мышей.

Он забрался на сундук, отложил меч, укрыл ноги овчиной, закрыл глаза, не собираясь спать, – не для того он сюда пришел. И опять услышал шорох.

Осмелевшие грызуны, кажется, вернулись.

– Со мной вам не справиться, – негромко сказал Гиз. – Лучше идите, жрите мертвяка... – Он махнул рукой, словно действительно отправлял грызунов на поиски мертвечины, как вдруг что-то глухо ударило в заколоченное окно...

Вот уже которую ночь Дила не могла заснуть. Бессонница изводила ее, лишала сил и подтачивала рассудок. Порой женщина впадала в забытие, полное кошмаров, и тут же приходила в себя, трепеща от ужаса.

Она еще как-то держалась. Те немногие люди, что заглядывали к ней, думали, что с ней все в порядке. Да, она сильно изменилась – осунулась, подурнела, вроде бы даже постарела; иногда она заговаривалась, порой вдруг начинала беззвучно плакать. Но соседи объясняли это тем, что она сильно страдает, потеряв мужа. К ней относились с сочувствием, ее жалели. А она чувствовала себя перед всеми виноватой. И это мучило ее не меньше, чем бессонница...

Спать она могла лишь днем, да и то – чутко, тревожно, пробуждаясь от малейшего шума. Кошмары приходили к ней и в светлое время суток; она подозревала, что разговаривает во сне, кричит, и потому не решалась спать, когда дети были дома.

Она боялась выдать свою тайну.

И она уже начинала понимать, что тайна эта рано или поздно сведет ее с ума...

Гиз шепотом выругался, и снова схватился за меч.

Это уже были не мыши – в окна стучать они не умели.

Тогда может быть птица? Ударилась сослепу в заколоченную раму, свалилась оглушенная на землю...

Удар прозвучал вновь – словно человек бил кулаком по доскам, требуя, чтобы его впустили. Пьяный человек или до изнеможения уставший.

Или мертвый...

Гиз провел клинком по каменной пластине на ножнах, сея на пол крохотные искорки. Заставил себя успокоиться, сдержал дыхание, унял сердце.

В горнице сделалось нестерпимо холодно. Даже кожу на щеках покалывало.

Сильный некромант творил свое черное колдовство...

Гиз тихонько соскользнул на пол. Медленно подкрался к забитому толстыми досками окошку. Затаил дыхание, прислушался...

На улице расхаживал мертвец. Шаркал ногами, ворчал, хрипел. Гиз не видел его, но мог совершенно точно сказать, где тот сейчас находится... Вот он подошел к высоко поднятому окну, ударил в доски, заскреб ногтями по стене, запыхтел, пытаясь на нее влезть. Потом засмеялся жутко, бесчувственно. Умолк. Перешел к другому окну, попробовал,

крепко ли приколочены доски, подергал их. Щелкнул зубами, медленно побрел вдоль стены...

Гиз следовал за мертвяком.

Они были совсем рядом – их разделяла бревенчатая стена. И они оба чувствовали присутствие друг друга.

– Ну, давай же... – прошептал Гиз. Мертвяк шел к крыльцу, и вот-вот должен был учуять петушиную кровь. – Давай...

Охотник прижался к доскам, приложил ухо к тонкой щели, из которой веяло теплым уличным воздухом. Ему показалось, что он слышат позвякивание бубенчиков, мелодичное, далекое и влекущее.

Мертвяк встал. Втянул ноздрями воздух. Захрипел возбужденно.

– Вкусно пахнет? – прошептал Гиз. – Иди попробуй на вкус...

И мертвяк послушался. А через мгновение тревожно загремели, зазвенели бубенцы, что-то лопнуло, треснуло, раздались чавкающие звуки, послышалось громкое ворчание.

Гиз холодно улыбнулся:

– Нашел? Ну и молодец... Завтра моя очередь искать... А теперь самое время пройтись по спящему дому... – Он шагнул назад. И тут тьма вокруг шевельнулась, расслоилась, разбежалась тенями. Черный силуэт шевельнулся на полу, растянулся, вскочил на стену, вырос под самый потолок.

Гиз не сразу понял, что произошло.

– Я хочу поговорить с тобой, охотник, – прозвучал усталый голос за его спиной, и Гиз резко повернулся.

В дверях, держа горящую лампу в опущенной руке, стояла Дила, больше похожая на мертвяка, нежели на живого человека.

– Мой муж не умел прощать ошибки. Кроме того, он был жесток. Но об этом никто не догадывался, все считали его примерным семьянином и хорошим работником. Его никогда не видели пьяным. Он постоянно что-то делал по хозяйству. Соседки часто говорили, что завидуют мне. А я завидовала им, но сказать об этом не могла никому.

– Он тебя бил? – спросил Гиз.

– Да... Но к этому я привыкла. Не это было самым страшным. Намного хуже было то, что он всячески меня изводил, издевался надо мной. Когда я мыла полы, он специально расхаживал по дому в грязных сапогах. Если я занималась стиркой, он выхватывал из моих рук белье, расшвыривал его, кричал, что я слишком расточительна, что мыло стоит дорого, и хорошая хозяйка могла бы обойтись вовсе без мыла. Ему не нравилось, как я готовлю. Ему ничего не нравилось. Он почти не выпускал меня из дома, а иногда на несколько дней запирали в подвале. Он постоянно ругался, хотя на людях держался тихо и скромно. А когда наши дети подросли, он стал настраивать их против меня.

– Почему он это делал?

– Я не знаю... – пожала плечами Дила. – Кажется, издеваться надо мной, он просто получал удовольствие.

– И сколько это продолжалось?

– Всю мою жизнь, – сказала Дила. – Всю жизнь, с того самого дня, как он взял меня в жены.

– Ты не думала о том, чтобы уйти от него?

– Уйти? Куда?.. – Дила покачала головой. – А если бы да-же и было куда... Я слишком его боялась... Но я думала... Думала о том, как хорошо бы стало, если бы он исчез из нашей жизни. Я мечтала о том, что однажды он сгинет, и жизнь в этом доме станет спокойной.

– Ты думала о том, чтобы его убить?

– Нет... Нет!.. Я просто надеялась его пережить.

– Так и вышло, – сказал Гиз.

– Да, – согласилась Дила. – Но облегчения это мне не принесло.

– Так что же случилось?

Дила вздохнула, неуверенно заглянула охотнику в глаза – казалось, женщина никак не может решиться все рассказать. Но все же собралась с духом и проговорила быстро, словно боялась, что у нее не хватит решимости закончить фразу:

– Он пошел в лес на вырубку приглядеть нам дров и там его придавило старым деревом... – Она замолчала, опустила голову, глядя на упрятанный под стекло огонек, слушая доносящиеся с улицы звуки.

– Ты нашла его? – спросил Гиз.

– Нет. Он сам приполз к дому. Через два дня, ночью. У него была сломана спина. Он превратился в беспомощного калеку.

– Он был жив?

– Да.

– Ты уверена?

– Да. Он был жив, и разговаривал со мной. Но он не просил помощи, не умолял меня простить его, он лишь угрожал и требовал. От него несло вонью, он был перепачкан кровью и грязью. Он казался мне зверем, и я ненавидела его.

– Ты его убила, – сказал Гиз.

– Нет! – вскинула голову женщина. – На это у меня не хватило бы духу. Он умер сам, и я даже не знаю точно, когда... Той ночью я обманула его. Я сказала, что не могу пустить его в наш дом. Сказала, что дети уже спят, и он может их напугать. Сказала, что ему будет гораздо удобнее отдохнуть в тихом месте. Я придумала еще целый десяток глупых причин, но он почему-то со мной согласился – наверное, боль и усталость сводили его с ума. И тогда я оттащила его к заброшенному дому, что стоит через дорогу, и бросила там, пообещав привести старую Исту. В тот момент я и сама верила, что приведу к нему ведьму. Но выйдя на улицу, вдруг осознала, почему я приволокла своего полумертвого мужа в этот мертвый дом. Я не хотела, чтобы он возвращался. Здоровый или больной – он не был нужен ни мне, ни моим детям...

– И ты бросила его, – сказал Гиз.

– Да. Я оставила его в этой жуткой старой избе, куда лишь изредка заходят нищие бродяги. Я пришла домой и легла спать. И все никак не могла заснуть. Все думала, что будет,

если он очнется утром и опять приползет к моему крыльцу. Его могли увидеть соседи, или дети могли с ним встретиться. И тогда я была бы вынуждена снова принять его в нашу семью, и потом всю жизнь слушать его оскорбления, терпеть побои и убирать из-под него грязь... Перед самым рассветом я решилась. Я вернулась в дом бортника. Муж спал на груди старой одежды, а может он был без сознания. И я, стараясь не шуметь, стала вытаскивать все вещи, весь мусор из комнаты и сваливать кучами в узком коридоре, ведущем на улицу. Я надеялась, что мой мучитель – парализованный и ослабевший – не сумеет перебраться через завалы... А потом я сдвинула лавку и обнаружила ход в подполье. Он не был заперт – я легко подняла деревянную крышку, глянула вниз. И вспомнила, как сама много раз падала в такую же вот холодную тьму, как сидела там сутками и слушала звук шагов над головой, ожидая момента, когда мой муж решит, что я наказана в достаточной степени...

– Ты сбросила его вниз, – сказал Гиз. Охотнику незачем было знать все подробности. Он хотел выяснить лишь то, что могло оказаться важным.

Он должен был узнать, кто поднял мертвяка.

– Да, – женщина кивнула. – Я сгребла тряпье, на котором он спал, и потянула к квадратной дыре в полу...

– Это ты вымела комнату? – перебил Гиз.

– Да.

– Зачем?

– Там была кровь. И следы... Я не хотела, чтобы это кто-то увидел. Я ведь знаю, что мои дети часто там играют.

– И потом ты заколотила лаз в подпол?

– Да. Уже был день, когда я это сделала. Муж проснулся от стука; он кричал там, внизу, ругался, угрожал, но его слабый голос звучал жалко... Он не сумел меня запугать...

– А потом ты запретила детям играть в этом доме.

– В очередной раз. И я не уверена, что они меня послушались.

– Ты еще ходила туда?

– Нет. Больше ни разу.

– Даже тогда, когда появился мертвяк?

– Да.

– И даже после того, как узнала в нем своего мужа?

– Говорю же, больше в тот дом я не ходила.

– А о муже... ты часто о нем думала? Вспоминала?..

– Я сразу же постаралась его забыть.

– Может быть, ты видела его во сне?

– Я уже давно не видела нормальных снов.

– Ты не спишь?

– Не могу.

– Ты боишься?

– И боюсь тоже...

Они замолчали ненадолго, перевели дыхание. Гиз наклонился, взял кружку, отхлебнул ледяной воды. Дила смотрела на него.

Вокруг дома, гремя бубенчиками, бродил мертвяк – сто-
нал, хрипел, лепетал что-то. Пробовал на прочность забитые
досками окна. Стучал в стены. Рыл землю. Пытался выса-
дить дверь.

– И так каждую ночь? – спросил Гиз.

– Да... Иногда чуть тише, а иногда бушует так, что кажет-
ся, будто дом вот-вот развалится.

– Как он выбрался на свободу? Ход в подпол заколочен
по-прежнему, я видел.

– Не знаю. Наверное, там есть еще выход. Из подпола пря-
мо на улицу. Видимо, он нашел его и выбрался.

– Уже мертвый.

– У живого не хватило бы сил.

– Наверное, туда он и возвращается каждое утро. Там и
надо его искать.

– Я не знаю. Охотник здесь ты.

– А ты – человек, к которому рвется мертвяк. Почему? Ты
можешь объяснить?

– Я же все тебе рассказала. Неужели ты не понял?

– И что я должен был понять?

– Но это же ясно! Он хочет мне отомстить...

Гиз посмотрел в глаза Диле, пытаясь понять, насколько
искренни ее слова, верит ли она сама в это. Покачал головой:

– Ты ошибаешься. Мертвецы ничего не хотят, и уж тем
более они не помышляют о мести. Так что если тебе дей-
ствительно кто-то хочет отомстить, то искать его надо среди

живых.

– Что ты хочешь сказать? – нахмурилась Дила.

– Лишь то, что ты слышала... Мертвяка к твоему дому гонит какая-то внешняя сила... Сила некроманта...

Дила, широко распахнув глаза, долго смотрела в суровое лицо охотника. Потом содрогнулась, опустила голову, спросила:

– И кто же он?

– Я не знаю, – ответил Гиз. – Некромант и сам может не подозревать о своей способности поднимать мертвых. Но я почти уверен, что сейчас он находится в этом доме.

– И это могу быть я? – чуть слышно шепнула Дила.

– Да, – ответил Гиз.

Женщина покачнулась:

– И что же мне делать?

– Решай сама... Я не знаю, что тебе посоветовать. Мое дело – убивать мертвых...

Они сидели вместе. Соприкасались спинами. Молчали.

Время шло, а они не двигались.

Гиз держал меч на коленях. Дила не выпускала из рук светильник.

Вокруг них, совсем рядом – под окнами дома, за крепкими стенами – бродил их общий враг, обмотанный ремнями и проволокой. Острые зазубренные крючья глубоко вонзились в его тело, но он не ощущал боли.

Им двигало лишь одно чувство – желание попасть домой. Там была еда, а он был голоден. Но не ради еды стремился он в дом.

Просто кто-то очень хотел, чтобы он вернулся.

Мертвяк затих...

Они не сразу заметили это. А когда заметили, то уже не могли сказать, как давно не слышат его шагов и звона бубенчиков. Вытянув шеи, стиснув кулаки, они напряженно вслушиваясь в непривычную тишину. Ждали, что вот-вот мертвяк даст о себе знать...

И вдруг где-то стукнула дверь.

Гиз мгновенно вскочил, перехватил меч. Дила вздрогнула так сильно, что стеклянный колпак светильника съехал набок.

– Слышала? – Охотник повернулся к хозяйке. Она лишь просипела что-то.

– Где это? – Гиз выхватил светильник из ее руки, поднял его повыше.

Дила, округлив полные ужаса глаза, помотала головой, давая понять, что не знает.

– Ты же запирала за мной дверь! Я помню. Есть еще какой-нибудь вход? Со двора! Конечно, есть!

Женщина кивнула.

– Ты забыла его запереть?

– Нет... – Дила обрела голос. – Там тоже все закрыто.

– Тогда где?

– Я не знаю...

За дверью послышались частые шлепки шагов. Они приближались, становились все громче, все звонче.

Гиз занес клинок над головой, уже представляя, куда нанесет первый удар.

Дверь хлопнула, распахнулась. Дернулся огонек светильника. И звенящий детский голос, пронзительный, сильный, неожиданный, едва не сбил охотника с ног:

– Мама! Мама! Симу опять плохо! Нам страшно!

На свет выбежала крохотная растрепанная девчушка в ночной рубашке, волочащейся по полу. Сперва она увидела Гиза, не узнала его, испугалась, остолбенела. Только потом заметила Дилу, бросилась к ней:

– Мама! Сим опять плачет!

Охотник опустил меч, с ужасом представляя, что случилось бы, если б девочка вбежала в горницу молча.

Он разрубил бы ее от левой ключицы до пояса. Рассек бы на неравные половины. В одно мгновение превратил бы живого человека – ребенка! – в два куска мяса и лужу крови...

Руки охотника задрожали. Закружилась голова. Заколо-тилось, разгоняясь, сердце. Холодная испарина выступила на лбу, а мгновенно взмокшая спина вся покрылась мурашка-ми.

– Это ты, Лоя... – Дила обняла девочку, крепко прижала к себе. – Ну и напугала же ты нас, дочка.

– Мама! Симу плохо! Пойдем скорей!

– Нам надо идти, охотник. – Женщина встала, подняв до-

чурку, повернулась к Гизу.

– Я с вами, – сказал Гиз, надеясь, что хозяйка не замечает, что с ним сейчас творится. – Мне давно уже надо было прогуляться.

За печкой было тесно и довольно уютно. В узкой длинной нише между печным боком и бревенчатой стеной кое-как уместились несколько полок и сбитый из досок лежак. Здесь висели связки лука и чеснока, пучки зверобоя, крапивы и ромашки, тугие мешочки с семенами. Здесь на полу лежали сухие сосновые поленья и свитки бересты для растопки.

Гиз вспомнил, что в детстве ему нравились такие вот маленькие закутки; они – словно дом в доме, потайные убежища, в которых можно делать все, что угодно.

Наверняка, дети любили это место за печкой...

– И часто он так себя ведет? – спросил Гиз, глядя на младшего сына Дилы, который, выгнувшись дугой, раскачивался, размахивал руками и, захлебываясь слезами и слюной, мычал что-то непонятное, нечленораздельное.

Ответила Лоя, дочка Дилы. Вместе со старшим братом она стояла возле охотника и смотрела, как мать пытается успокоить мечущегося Сима.

– Каждую ночь.

– Это ведь с ним недавно?

– Вот уже несколько дней, – ответил старший сын Дилы.

Гиз попытался вспомнить, как его зовут, но не смог.

– С того дня, как пропал ваш отец?

– Да, наверное.

– Он сильно скучает?

– Да... – ответила девочка. Он хотела добавить что-то еще, но тут Дила резко к ним повернулась и закричала:

– Он же испуган! Он совсем маленький! И ничего не понимает! Чего вы от него хотите?!

– Я просто спросил, – сразу же отступил Гиз. – Не буду вам мешать, лучше вернусь в горницу.

– А можно и мы с вами? – спросил старший сын Дилы.

– Нет! – мгновенно отреагировала хозяйка.

– Нет, – пробормотал охотник. – Оставайтесь здесь, с мамой. И ничего не бойтесь... – Он пятился.

Он только что увидел неподвижные тусклые глаза ребенка, что бился у Дилы на руках.

Мертвые глаза...

– Мне нечего здесь делать... – бормотал Гиз. – Скоро утро... Скоро все кончится...

В уютном закутке за печкой было слишком холодно.

Перед самым рассветом Дила пришла снова. Она поставила светильник на пол, присела на угол сундука.

– Ну как он? – спросил Гиз, подвинув закутанные в овчину ноги.

– Успокоился.

– Заснул?

– Заснул.

– А дети?

– Тоже легли.

– Тоже спят?

– Кажется, да.

– Ну а ты?

– А я не могу... – Она обхватила голову руками, ссутулилась, глядя в пол. Сказала негромко, неуверенно, словно сама еще не решила, хочет ли услышать ответ: – Скажи, охотник, это он?

– О чем ты? – Гиз сделал вид, что не понял, о чем говорит женщина.

– Это мой сын? Это Сим поднял мертвеца?

Гиз помолчал. Спросил:

– Он любил отца?

– Да... – нехотя признала женщина. – Они много времени проводили вместе... Скажи мне, это он?

– Да, Дила... – Охотник не собирался скрывать правду. – Твой сын – некромант. И, судя по всему, достаточно сильный. Он еще ребенок и ничего не понимает, но дар уже проявил себя... Рано или поздно твой сын поймет, что обладает властью над мертвыми... Как он распорядится своим умением? Я не знаю...

– И что же мне теперь делать? – Дила не смотрела на охотника. Казалось, она разговаривает с собой. – Что делать, скажи?

– Я не знаю... – ответил Гиз, искренне сочувствуя женщине. – Я обычный охотник. Мое дело – убивать мертвых.

– Ты ведь расскажешь им! – Женщина, встревоженная только что пришедшей в голову мыслью, повысила голос, выпрямилась, повернулась к охотнику. – Расскажешь им всем! Все расскажешь! Да?

– Я просто предупрежу людей.

– Но как нам жить после этого? Что нам делать? У нас и без того не так много друзей, а уж после того, как они узнают, что я сделала... и что мой сын... мой сын... – Она закрыла лицо руками и тихо застонала. Гиз с жалостью смотрел на женщину. Ему захотелось ее приобнять, прижать к себе, успокоить. Но он пересилил себя. Сказал сухо:

– Я должен.

– Не делай этого... – Женщина плакала. – Не говори им... Я прошу тебя...

– Я должен, – повторил Гиз, мрачней еще больше.

Дила поняла, что уговаривать охотника бесполезно. Она не хотела показывать ему свою слабость и потому встала рывком, чувствуя как нарастающая злость сушит слезы; она стиснула кулаки, воткнув ногти в ладони, надеясь болью привести себя в чувство. Проговорила медленно, процедила сквозь зубы:

– Ты хуже мертвяка, охотник... Я жалею, что позвала тебя... – Дила подалась вперед, и Гизу показалась, что она собирается его ударить. Он зажмурился, даже не думая защищаться. Но женщина лишь несильно ткнула его пальцем в грудь:

– У тебя здесь пусто, охотник. У тебя нет сердца.

Она стремительно развернулась и вышла из холодной горницы, хлопнув дверью и оставив на полу гаснувший светильник.

Гиз какое-то время смотрел на огонек, размышляя о том, верно ли он поступит, рассказав жителям деревни обо всем, что узнал в эту ночь. Он был спокоен, злые слова Дилы несколько его не задели.

Ну разве только совсем немного...

Он положил ладонь себе на грудь, прижал крепко, почувствовал, как бьется сердце. Сказал негромко:

– Ты сама виновата, Дила. Нельзя убивать живых, – и снова вспомнил Стража Могил...

– Нельзя умерщвлять живых, – любил приговаривать Страж. – И нельзя оживлять мертвых. Убийцы и некроманты – люди, которые нарушают эти правила, – поступают одинаково плохо...

У Стража было много правил. Некоторые были бесспорны, некоторые казались несправедливыми, а некоторые – просто глупыми.

– Нельзя топтать траву на Кладбище, – часто повторял он, сурово хмурясь. А сам, как придется, подолгу бродил по зеленым буграм могил, выискивая среди ровной травы редкие распустившиеся цветки.

Страж был одинок, и поэтому он любил разговаривать с цветами.

– Не топчите траву! – строго наказывал он своим редким гостям. – И ни в коем случае не рвите цветы на могилах! Я знаю их всех...

Страж был немного странный. Он в одинаковой степени любил все живое и все мертвое...

Ночь кончилась, когда погас светильник.

Осторожный рассвет запустил свои тонкие хилые щупальца в дом, растекся по стенам и потолку, понемногу вытесняя прячущуюся в углах тьму, коснулся лица охотника.

– Доброе утро, – сказал Гиз, поднимаясь. – Пора начинать охоту...

Никого не встретив, сам отперев входные двери, он вышел на крыльцо. Потянулся, глядя в сторону багровеющего востока.

Солнце вот-вот должно было взойти.

Гиз спустился с крыльца, нагнувшись, зачерпнул горсть росы, умыл ею лицо.

На дороге пока никого не было. То ли селяне опаздывали, то ли вовсе решили не приходить.

Гиз пожал плечами – он не особенно рассчитывал на их помощь. Да и какой помощи можно от них ждать?

– Придется искать самому, – сказал охотник и подошел к месту, где вечером поставил свои силки.

Ловушки на месте, конечно же, не было – ее унес на себе мертвяк. Только несколько колышков-растяжек высывались из земли, змеей вился обрывок кожаного ремня с головой-бубенчиком, да шевелились под ветром пестрые петушиные перья.

Охотник присел, осмотрелся внимательно, читая следы.

Все произошло, как и предполагалось. Мертвяк, услышав звяканье, заметив движение, свернул к расставленным силкам. Почуял свежую кровь, шагнул в ловушку – проволока тут же спутала его ноги; большие рыболовные крючки, словно колючие семена череды, вцепились в одежду, в кожу, в мясо. Мертвяк запнулся, упал, выдрав из земли большую часть колышков. Лежа, схватил петуха, заворочался, пытаюсь встать на ноги, запутался еще больше в ремнях и проволоке, еще крепче насадил себя на многочисленные острые крючья. Все же поднялся, разорвав несколько ремней, не замечая ни боли, ни мешающих двигаться пут, не обращая внимания на брнчание бубенчиков. Растерзал петуха, чуть утолив голод... А потом двинулся к избе – из раздавленных берестяных коробочек на землю сыпались просо и гречиха, отмечая его путь...

Гиз внимательно проследил, как шел мертвяк.

Тот сперва подошел к закрытым воротам двора и, должно быть, долго дергал их на себя. Потом направился к крыльцу, но почему-то на него не поднялся. Наверное, не смог одолеть лестницу – путы мешали. Покружив, потоптавшись, отправился в обход дома, пробуя каждое окно, порой пытаюсь вскарабкаться на стены – Гиз нашел несколько обломившихся крючков, крепко впившихся в бревна... Так мертвяк и бродил вокруг дома почти всю ночь. А потом, чуя приближение дня, ушел.

Куда?

Просо и гречка подскажут...

– Эй, охотник! – окликнули с дороги, и Гиз поднял голову. – Мы пришли!

Восемь человек топтались у обочины, посматривая то на поднимающееся солнце, то на избу Дилы, то на Гиза. В руках они держали топоры и вилы – крестьянские орудия, ставшие на время оружием.

– Вы как раз вовремя, – сказал Гиз с такой интонацией, будто не сомневался, что подмога подойдет. – Охота уже началась... – Он узнал Эрла – хозяина постоянного двора, узнал толстого Минса и плотника Гетора, узнал вооружившегося кувалдой кузнеца и чудаковатого мужика, который при каждой встрече рассказывал одну и ту же историю о застрявшей в колодце корове... Он улыбнулся им всем, поднял руку, приветствуя, и объявил громко:

– Сегодня все кончится!

Выглядеть крупу в пыли и траве было непросто. Большую часть проса и гречки мертвяк рассыпал, расхаживая вокруг избы Дилы. Под утро берестяные коробочки опустели почти полностью, и отдельные крупинки сыпались лишь тогда, когда мертвяк спотыкался или цеплялся за что-нибудь свободными, волочащимися по земле концами своих пут.

Но Гиз догадывался, куда направился мертвяк. И поэтому без особого труда находил оставленные им следы.

– Он прячется в заброшенном доме бортника, – Эрл наконец-то понял то, о чем давно подозревал охотник.

– Кажется, да, – сказал Гиз, заметив на широком листе лопуха три зернышка проса.

– Я не был там с детства, – сказал кузнец. – Мы войдем туда?

– Только если сами захотите...

Они продирались через малинник, с опаской поглядывая на черную крышу, прячущуюся под кроной березы, на запертую ржавыми засовами дверь и заколоченные окна – уже такие близкие. Там, где они шли, не были даже намек на какую-то тропу. Похоже, мертвяк каждый раз возвращался в свое убежище разными дорогами.

Либо же у него было несколько убежищ.

– Крыса, – сказал Эрл, наступив на хрустнувшую под но-

гой высохшую тушку. – Опять дохлая крыса. Почему их здесь столько, охотник? Что, мертвяк их жрет?

– Наоборот, – Гиз заметил сломанную ветку, остановился, присел, отыскал на земле зернышко гречихи, в очередной раз убедился, что они идут верной дорогой. – Это они его жрут. Грызут мертвечину, а потом дохнут... Вы знаете три главных правила охотника?

– Нет, – нестройно ответили мужики.

– Во-первых, с мертвяком нельзя разговаривать. Во-вторых, ему нельзя смотреть в глаза. И в-третьих, его нельзя касаться. Так вот – крысы нарушили третье правило. И поэтому сдохли. Только черви и мухи могут питаться плотью мертвяка. Так говорил мне Страж.

– Ты знаешь Стража? – спросил Эрл.

– Да... С самого детства...

– И какой он? Расскажи нам, – попросил кузнец.

– Он... – Гиз пожал плечами, не зная, как в двух словах описать того, о ком рассказывают легенды. – Он добрый, мудрый и немного странный...

Мало кто видел Стража Могил. По крайней мере, при жизни.

Мало кто знал, как он выглядит.

И мало кто мог похвастаться, что разговаривал с ним...

О Страже Могил ходило множество историй – таких историй, которыми дети любят пугать друг друга темными ночами, и которые так не любят взрослые. О нем вспоминали, когда собирали в последний путь умерших родственников, и это ему вместе с телом усопшего отправляли скромные подношения, как плату за его заботу...

Страж Могил был единственным смотрителем единственного на весь мир Кладбища.

И никто, наверное, не знал о мертвых и о смерти больше, чем он...

Не было ничего удивительного в том, что этот вход в подпол заброшенного дома никто раньше не обнаруживал. Черная квадратная дыра, ведущая под землю, пряталась меж корней березы. Все подступы к ней заросли крапивой и колючей, словно шиповник, малиной. Дыра больше походила на остатки колодезного сруба, нежели на вход в подвал. И располагалась она на довольно большом расстоянии от самой избы...

Кому понадобилось рыть такой длинный подземный ход? Охотник предполагал, что эту тайну ему не узнать никогда.

– Скорей всего, мертвяк где-то там... – Гиз осторожно заглянул в квадратную дыру, бросил во тьму маленький камешек. – Здесь неглубоко...

– Я туда не полезу, – заявил Эрл. Мужики согласно кивнули. Они старались не смотреть охотнику в глаза.

– Кто-нибудь захватил фонарь, как я просил? – Гиз старался не показывать, что ему сейчас самому жутковато.

– Эй, Атис! – Эрл повернулся к рябому крестьянину, всю дорогу тащившемуся в хвосте. – Где там твои факелы?

– Вот... – Под ноги охотнику свалилась охапка коротких кольев, один конец которых был обмотан просмоленной паклей. – Полыхают ярче любого фонаря.

– Хорошо, – Гиз вытащил пару факелов, заткнул их за по-

яс.

– А может нам просто завалить этот выход? – предложил кузнец. – А потом подпалим дом.

– Нужно действовать наверняка, – покачал головой Гиз. – Мертвяка необходимо убить, потом его надо вытащить наружу и отправить на Кладбище, под присмотр Стража. Иначе я не поручусь, что все прекратится. Не забывайте – некроманты повсюду ищут неупокоенные тела.

– Как скажешь, охотник, – согласился кузнец. – Но мне не очень-то хочется лезть в эту дыру.

– Если не хочешь, останься и сторожи выход.

– Сторожей здесь и без того будет много, – помедлив, ответил кузнец. – Пожалуй... – Он поднял голову, посмотрел охотнику в глаза. – Пожалуй, я отправлюсь с тобой.

– Рад слышать, – ответил Гиз. – Как твое имя, кузнец?

– Можешь называть меня Молотом. Это мое прозвище, но оно мне роднее, чем настоящее имя.

– Хорошо, Молот. Возьми факел, и держись в двух шагах за моей спиной. Если я буду драться, поднимай огонь повыше. И не забывай три основных правила!.. Помнишь их?..

– Да, – кивнул кузнец. – Не разговаривать с ним, не смотреть ему в глаза и не касаться его.

– Все правильно... – Гиз готовил сухой трут – о такой роскоши, как фосфорные спички, в этой деревне даже не знали. – Еще есть желающие к нам присоединиться?

– Я... – выступил вперед Эрл, и Гиз удивленно вскинул

бровь.

– Хочешь отправиться под землю? – Гиз давал Эрлу возможность отказаться. – В царство мертвых?

– Да.

– У меня не будет времени вытаскивать тебя, если ты потеряешь сознание.

– Выберусь сам.

– Я ведь еще не расплатился за комнату, Эрл? – Гиз усмехнулся. – Что ж, я не против, пойдём с нами... – Охотник повернулся к остальным мужикам, сказал:

– Вы останьтесь здесь. Если к полудню мы не вернемся, закопайте этот лаз и сожгите дом.

Эрл побледнел.

Гиз покосился на него, гадая, почему бы это хозяин постоянного двора вдруг решил поучаствовать в драке.

– Всем всё ясно? – спросил охотник.

– Да, – нестройно ответили мужики.

Гиз спустил ноги в черную дыру, ухватился за корни деревьев, перевернулся на живот. Попытался ногами нащупать какую-нибудь опору внизу.

Было жутко чувствовать себя подвешенным в пустоте, словно бы на границе между миром живых и миром мертвых – подземным миром. Верхняя половина тела – на свету, другая – во тьме. Представилось даже, что не лаз это в погреб, а бездонная могила, но тут ноги наткнулись на что-то твердое, и Гиз выпрямился, усилием воли отогнав все неудобные

мысли. Он поднял вверх свободную руку, и кто-то из мужиков сунул ему в ладонь горящий факел. Гиз присел, осматриваясь. Сказал:

– Здесь две каменные ступени, спуск – как в обычный подвал. В самом низу – ход. И вот что я вам скажу, ребята... – Он опустил факел вниз, под ноги, разглядывая покрытые плесенью стены и неровную дыру, похожую на вход в звериную нору. – Будет здорово, если мы в нем не застрянем.

Первые несколько метров они ползли на коленях. Потом потолок чуть поднялся – или это пол опустился? – и они смогли встать на ноги.

– Я всегда знал, что с этим домом что-то нечисто, – приговаривал Молот, следуя за охотником. – С самого детства меня им пугали, и я не сомневаюсь, что все эти страшные истории существуют неспроста.

– Какие страшные истории? – спросил Гиз.

– Разные... Например, о белом человеке...

– Расскажи.

– А может потом? – жалобно попросил Эрл. Он шел замыкающим, и почти физически ощущал, как за его спиной смыкается тьма.

– Расскажи, – повторил Гиз.

– Так ведь это все знают... – на удивление охотно начал кузнец. – Иногда в подполье можно встретить белого человека. Обычно он стоит в самом дальнем и самом темном углу, отвернувшись лицом к стене. Если его увидишь, ни в коем случае нельзя кричать. А если закричишь, то он повернется... – кузнец замолчал.

– И что тогда случится? – с интересом спросил Гиз.

– Откуда мне знать? Я ни разу не кричал.

– Ты его видел?

– Не знаю... – кузнец пожал плечами. – Я пару раз видел какую-то белую фигуру в темном углу своего подвала. Но разглядывать как-то не успевал.

– Она исчезала? – спросил Гиз.

– Нет... – ответил охотник. – Это я исчезал. Выскакивал наружу как ошпаренный...

– И как белый человек связан с этим домом? – поинтересовался Гиз.

– Говорят, как-то связан... Откуда мне знать, это надо у старой Исты спрашивать, она все знает... Есть еще одна история...

– А может хватит? – голос Эрла сильно дрожал.

– Действительно, хватит, – сказал Гиз.

– История интересная, – кузнец не собирался молчать, и Гиз подумал, что он специально затеял весь этот разговор, чтобы напугать и без того трясущегося от страха Эрла.

Только вот зачем?

И почему Эрл решил спуститься под землю, хотя поначалу не собирался этого делать?

Видимо, кузнеца и хозяина постоянного двора что-то связывало.

Дружба? Вряд ли... Скорее, соперничество.

А если мужчины соперничают, то это почти наверняка означает, что причиной соперничества послужила женщина...

Гиз вспомнил, как Страж Могил, вздыхая, жаловался, что

отношения живых людей всегда очень запутаны, но порой им и этого мало, и тогда они пытаются вмешивать мертвых в свои дела. «А это никогда ничем хорошим не заканчивалось», – подводил итог Страж.

– ... история о Веселом Голосе... – даже если кузнецу и было сейчас страшно или тревожно, он ничем это не выказывал. – Чтобы услышать его, надо в полнолуние пробраться в заброшенный дом, сесть возле окна и три раза назвать свое имя. И тогда Веселый Голос отзовется...

– Что это за история? – фыркнул Эрл. – Признайся, ты ведь сам ее придумал? Только что. Специально, чтобы меня напугать!

– Если ты ее не слышал, это еще не значит, что ее придумал я.

– А почему бы тебе не заткнуться?

– Не нравится – не слушай... И вообще, зачем мне тебя пугать?

– Я знаю зачем! – Эрл, кажется, совсем забыл о своем страхе. Похоже, он здорово разозлился.

– Прекратите! – Гиз остановился, повернулся, хмуро оглядел своих попутчиков. – Драться будете на поверхности, если запал не пройдет. А сейчас – тихо!

Его послушались. Попробовали бы не послушаться!

– Раскудахтались тут... – пробормотал охотник, двинувшись дальше. – Как два петуха... Знать бы еще из-за какой курицы...

Сильно согнувшись, втягивая головы в плечи, они медленно пробирались вперед. Под ногами было скользко, мерзкая плесень белесо отсвечивала в свете факелов; на обшитых гнилыми досками стенах росли бледные тонконогие грибы, а с потолка пучками свисали корни, больше похожие на дохлых червей.

О том, что мертвяк рядом, их предупредил тихий звон бубенчиков.

– Что это? – кузнец, услышав мелодичные звуки, остановился.

– Не узнаешь свою работу? – спросил Гиз.

Кузнец не сразу понял, на что намекает охотник. А когда сообразил, удивленно покачал головой:

– Честно говоря, не сильно верилось, что тебе удастся нацепить на него всю эту сбрую.

– Он сам ее на себя нацепил.

– О чем вы говорите? – шепотом спросил Эрл. – Что там за звуки?

– Это звенит мертвяк, – криво усмехнулся кузнец. – Он бродит там впереди и бренчит бубенчиками, которые я для него сделал. И знаешь зачем он это делает? Он старается тебя запугать.

– Хватит вам, – сказал Гиз и передал факел Эрлу. – Держи как следует, не вырони. Без света у нас не будет шансов. – Охотник вытащил меч из ножен, взял его обеими руками, выставил клинок перед собой.

– А мне что делать? – спросил кузнец.

– Не разговаривать, – сказал Гиз. – Не смотреть ему в глаза, и не касаться его.

– Ты перечислил, что делать не следует...

– Ну, а если хочешь оказаться полезным, добавь побольше света.

– Хорошо, – сказал кузнец, зажигая еще один факел.

– Если мы сделаем все правильно, то никаких проблем не возникнет... – Охотник хотел успокоить своих напарников. Хотя бы чуть-чуть. – Мертвяк слабый и вялый, потому что некромант, который его поднял, неопытный, хоть и довольно сильный.

– Ты выяснил, кто он? – спросил Эрл.

– Поговорим об этом позже. Вам ясно, что делать?

– Светить! – ответил кузнец.

– И понятно, что не надо делать?

– Три правила. Мы помним, – сказал Эрл.

– Это самое главное, – сказал Гиз. – И самое сложное...

Он первым шагнул на звук бубенчиков, зная, что сейчас встретится лицом к лицу со своим давним страхом. И пусть этот мертвяк слаб и неуклюж – это не делает его менее жутким.

«...Если не можешь справиться со своим страхом – сделай его источником своей силы...»

Гиз крепко стиснул рукоять меча.

Позади разгорались новые факелы – трещали, брызгали смолой и чадили.

Последние факелы.

Мертвяк был отвратителен. Серое лицо его было изъедено крысами – от носа почти ничего не осталось, губ не было вовсе, на месте щек зияли дыры. Он, шатаясь словно пьяный человек, подволакивая ноги, бродил по темному подвалу, постанывал, кряхтел, сопел. Его ноги, руки и тело были опутаны проволочными силками. Отточенные крючья в лохмотья изодрали одежду, кожу и мясо...

– Да это же Гест! – воскликнул кузнец. – Муж Дилы!

– Не смотрите на него! – крикнул Гиз, выступая вперед.

Мертвяк заметил их. Остановился, повернулся, замычал что-то. Он не проявлял никакой враждебности. Казалось, он пытается объясниться с людьми.

– Гест! – кузнец, вроде бы, насмеялся над мертвяком. – Что с тобой случилось?

– Не разговаривай с ним! – рявкнул Гиз.

Мертвяк вдруг ощерился, упал на четвереньки, попятился, отступая в тень. Мутные глаза его смотрели на огонь факелов.

– Гест? – неуверенно позвал кузнец.

– Держите его на свету! – Гизу было страшно. Каждый раз, встречая мертвяка, он словно возвращался в свой сон, в кошмар, преследующий его с самого детства. И каждый раз ему казалось, что жуткие слова прозвучат снова. Мертвяк

опять обратится к нему, назовет по имени... И опять нельзя будет не ответить... как и тогда...

– Не разговаривайте с ним! – крикнул Гиз. Не для напарников крикнул, а для себя.

Мертвяк неожиданно резво прыгнул в сторону, потом рванулся вперед, на людей – бубенчики хищно звякнули.

– Не смотрите ему в глаза! – Гиз оттолкнул растерявшегося Эрла, острием меча ткнул мертвяка в предплечье, подрубая мышцы. Отскочил, успев нанести еще один короткий удар по локтю.

Для того, чтобы убить мертвого, необходимо разрушить его связь с некромантом. Это можно сделать разными способами. Например, лишив жизни некроманта. Ну, а если некромант – ребенок, сам не ведающий о своем даре?..

– Не отступать! – крикнул Гиз своим помощникам. – Выше факелы! Больше света!

Мертвяк, что-то лепеча, по-паучьи напрыгивал на охотника. Гиз уворачивался, быстрыми точными ударами рассекал сухожилия и мышцы давно мертвого противника. Так можно было обездвижить мертвяка, но не убить...

– Я помогу тебе! – кузнец передал один из своих факелов Эрлу, другой воткнул щель между гнилыми досками, вытащил из-за ремня тяжелый молот: – Давно я мечтал об этом!

– Не надо... – Гиз попытался оттеснить кузнеца. – Занимайся своим делом!

– Ну уж нет! – Кузнец прыгнул к мертвецу и обрушил ку-

валду ему на череп.

Вскоре все было кончено.

Охотник и кузнец остановились, опустили оружие. Бледный Эрл привалился спиной к каменному столбу, подпирающему потолок. Один из факелов догорел. Эрл выбросил его – по земляному утрамбованному полу рассыпались искры.

– Ты помешал мне, – негромко сказал Гиз.

– Я тебе помог, – фыркнул Молот.

– Если ты думаешь, что мы его убили, то ты ошибаешься, – сказал Гиз. – Мы просто его изуродовали...

Они вместе посмотрели на то, что совсем недавно было мертвяком. Бесформенная груда еще шевелилась: двигались пальцы отрубленной руки, подергивались разmozженные ноги, вздрагивали оголенные мышцы, нашпигованные острыми обломками костей.

– Чтобы убить мертвяка, нужно разрушить его связь с некромантом, – сказал Гиз. – Я и пытался это сделать. А ты помешал мне.

– И что, по-твоему, я должен был предпринять? – нахмурился кузнец. – Просто стоять и смотреть, как ты царапаешь его своим мечом?

– Да, – сказал Гиз. – Именно так ты и должен был поступить.

– Но это продолжалось бы целую вечность.

– Возможно... Так ведь и сейчас ничего еще не закончилось... – Гиз кивнул на шевелящиеся останки.

Кузнец почесал в затылке, виновато потупился:

– И что теперь?

– А ничего, – сказал Гиз. – Потасим эту грудку наверх. У нас осталась последняя возможность сделать мертвого мертвым. А уж если и тогда ничего не получится... Тогда, наверное, придется его сжечь...

Человек – это не только плоть и разум. Это и жизненный опыт, знания, настроения, воспоминания, деяния и помыслы – все то, что отличает людей друг от друга; то, что складывается в течении всей жизни, что определяется самой жизнью. То, что называется душой.

Человек не может выбрать, в каком теле ему родиться – это за него решает природа. Она же наделяет его умственными способностями, большими или меньшими – и тут тоже ничего нельзя поделатъ. Но душу свою человек создает сам, каждым поступком своим, каждым действием, каждым словом.

Суть души непостижима. Это не орган и не свойство, это нечто другое – это сущность, почти существо, которую вращивает в себе каждый человек. А когда человек умирает, душа покидает его. Но произойти это может лишь в единственном месте мира – на святой земле Кладбища.

Пока же тело не похоронено, душа не может обрести свободу. Она томится, словно узник в темнице. И будет томиться вечно, даже если телесная оболочка истлеет в прах. На месте, к которому привязана неуспокоенная душа, люди будут встречать призрака. Там любой человек почувствует беспокойство, удушье и холод. Заснувшего там будут мучать кошмары, и проснется он с головной болью...

Именно такие места ищут собиратели душ – те немногие люди, что обладают особенным даром...

Так говорил Страж Могил.

«Человек – это единство тела, разума и души, – когда-то давным-давно объяснял он Гизу-подростку. – Тело смертно и тленно. Разум еще более уязвим. И только душа вечна. Но есть стихия, которая пожирает все, в том числе и душу. Это огонь...»

Прошло много лет, но Гиз хорошо помнил, что когда-то рассказывал ему Страж. Помнил он и последнюю фразу того урока:

«Уничтожить душу – это много хуже, чем убить человека. Помни об этом, мальчик...»

Последний факел догорал. Тьма все ближе подбиралась к людям, готовясь броситься на них и поглотить.

– Ну разве мог я представить, что мне доведется тащить за собой полумертвого мужа Дилы? – хмыкнул кузнец. – Да еще после того, как я лично проломлю ему башку и переломаю все кости, что возможно.

– Почему ты так его ненавидишь? – негромко спросил Эрл.

– А то ты не знаешь... – фыркнул кузнец.

Они двигались по узкому тесному ходу, тянули за собой страшную добычу, кое-как подцепив ее длинными досками, вырванными из стены подвала.

– Он постоянно ее бил, – сказал кузнец. – Синяки не успевали сходить с ее тела.

– Но ведь это ты виноват, – сказал Эрл. – Он бил ее из-за тебя...

Гиз в разговор не вмешивался, но не пропускал мимо ушей ни единого слова.

– Нет, – кузнец покачал головой. – Он бил ее потому, что больше ничего не мог сделать. Он чувствовал свою беспомощность. Ведь она никогда его не любила. А замуж вышла по принуждению. Она любила меня. И сейчас любит.

– Ты женат, – неприязненно сказал Эрл.

– И жену свою я ни в чем не обижаю.

– Думаешь, она ничего не знает?

– А даже если и знает, что из этого?.. Слушай, сосед, а ведь ты мне завидуешь. Да? Признайся... Вы ведь с Дилой с детства дружили, я это хорошо помню.

– Прекрати!

– Да я и так знаю! Ты к ней равнодушен! Ну? Признайся!

– Замолчи! – Эрл резко дернул свою доску, и конец ее выскочил из проволочной петли, что охватывала измочаленные останки мертвяка.

Они остановились, перевели дыхание.

Уже чувствовался свежий сквозняк, и впереди, вроде бы, виделся свет. Потолок опустился совсем низко – скоро к выходу придется ползти на четвереньках.

Передохнув, Эрл отдал факел кузнецу и, не приближаясь к мертвяку, заворочал доской, пытаясь намотать на нее проволоку силков, приладить покрепче, для пущей надежности зацепить ею несколько свободных крючков. Сделать это было непросто, и Гиз, отложив свою похожую на оглоблю доску, помог неловкому напарнику.

– Что это там? – вдруг пробормотал кузнец, поднимая слабеющий огонь повыше и куда-то вглядываясь. – Это... это же... – Он задрожал, побледнел, переменялся в лице. – Это же Белый Человек!

Гиз поднял голову.

В десяти шагах от них, там, где они только что прошли, стояла белая светящаяся фигура. Стояла возле стены, повернувшись к ней лицом – если у нее вообще было лицо.

Призрак!

– Не шумите... – кузнец пятился, лишившись всей своей напускной бравады.

Оцепеневший Эрл немо открывал и закрывал рот – словно зевал безостановочно.

И только Гиз сохранял самообладание. Призраков охотник не боялся...

Факел погас. Белая фигура шевельнулась. И кузнец вскрикнул.

Медленно призрак повернулся к людям. Лицо у него было – белое размытое пятно с темными пятнами вместо глаз и рта.

– Возвращайся... – отчетливо проговорил Белый Человек, не двигаясь с места. – Возвращайся скорей... – Светящийся силуэт заколыхался, потускнел и стал стремительно расплываться, таять – словно снег на горячей печи.

– Возвращайся! – в последний раз услышал Гиз.

Охотник не сомневался, что этот призыв обращен к нему.

Он узнал этот голос.

Они выбрались на поверхность, оставив мертвяка внизу. Гиз, не теряя времени, отправил нескольких крестьян за веревками и крючьями-кошками. Оправившийся кузнец рассказал землякам, что мертвяк – не кто иной, как Гест – муж Дилы. Услышав это, один из селян предложил позвать женщину.

– И пусть она возьмет детей, – распорядился Гиз. – А если не захочет идти – заставьте.

– В чем дело, охотник? – нахмурился кузнец. – Зачем тебе Дила? Может будет лучше оставить ее в покое? Она и так много пережила за последнее время.

– Охота еще не закончилась, – сказал Гиз. – Выполняйте все, что я говорю.

Кузнец пожал плечами, лег на землю, уставился в небо. Сказал громко, для всех:

– Там внизу много всякого... странного, страшного... Уже возвращаясь, мы встретили Белого Человека... Ох, нехоршее это место.

– Кто же спорит? – сказал кто-то из крестьян. – Это всем давно известно...

Вскоре принесли веревки. Гиз в одиночку – больше никто не захотел – спустился в черную яму. Подцепил кошками изуродованное, опутанное проволокой тело мертвяка. Вылез

наверх.

– Поднимай!

Мужики, поплевав на ладони, взялись за веревки. Потянули, выволакивая на солнечный свет то, что когда-то было человеком. Дружно охнули, увидев бесформенное тело, заметив, что оно еще живет, шевелится. Вытянули его, оттащили в сторону, бросили веревки, сгрудились вокруг мертвяка, не подходя близко.

– Это я его так, молотом, – хвастался кузнец. – Он скалился как пес, напрыгивал, рычал. Должно быть кровь чувал, жизнь. А я ему с размаху по черепу, прямо по макушке...

Затрещали кусты. Сквозь малину продирались люди, то-ропились, шумели. Вся деревня шла посмотреть на мертвяка, и все уже знали, что мертвяк – это Гест – пропавший в лесу муж Дилы.

– Не трогайте его! – предостерег Гиз. – Он еще жив!..

Появилась и сама Дила, привела детей. Косо глянула на скорченное тело бывшего супруга, сразу отвернулась. Пристально посмотрела на Гиза, долго не могла отвести взгляд. И многие заметили, что в глазах ее сквозит ненависть.

А охотнику больше нечего было ждать. Он шагнул к женщине, не обращая внимания на ее сопротивление, взял за руку ее младшего сына, подвел к мертвяку, сказал жестко:

– Смотри! Вот твой папка! Вот твой отец!

Мальчик заплакал, попытался вырваться.

Селяне притихли, не понимая, что происходит. А охот-

ник подталкивал мальчика все ближе и ближе к шевелящейся груди плоти:

– Это ты его сделал таким! Он давно умер, его больше нет! Нет больше твоего папки, пойми! Никогда больше он к тебе не придет, не будет с тобой играть! Он умер! Ушел навсегда! Это все, что от него осталось! Вот он – весь здесь! Смотри!.. – Гиз кричал на маленького мальчика.

На маленького некроманта...

– Так это он? – прошептал Эрл. – Это он – некромант?

Дила, не в силах больше стоять, опустилась на землю, обняла своих старших детей, крепко прижала их себе. Она что-то тихо бормотала и смотрела на охотника так, словно насылала на него проклятия. Сейчас она была похожа на ведьму.

– Сын Дилы – некромант? – Люди зашептались, зашущукались. Десятки пар глаз украдкой следили за переменявшейся женщиной.

– Поговаривают, младший-то ее не от Геста.

– А от кого?

– От кузнеца... Гуляла она от мужа-то... С кузнецом гуляла...

– Так ведь бил ее Гест. Сильно, говорят, бил.

– Значит, за дело бил...

– А может неспроста Гест пропал-то? Лес темный... Может кузнец руку приложил?

– Или она сама...

Гиз чувствовал острый взгляд женщины. Ему хотелось

обернуться, посмотреть ей в глаза. Он понимал, что она сейчас испытывает, и жалел ее. Но дело необходимо было довести до конца.

– Твой папа умер! – Гиз несильно встряхнул ребенка. – Его больше нет! Отпусти его! Забудь о нем! Забудь!.. – Мальчик уже не плакал и не пытался вырваться. Он смотрел на тело, смотрел серьезно, по-взрослому.

А потом Гиз ощутил, как разрушилась связь некроманта и мертвяка. Руки ожгло холодом, они мгновенно занемели, отнялись. Перед глазами взметнулось облако черных точек, закружилось темной метелью. И словно гонг прозвучал в голове.

– Охота закончилась, – сказал Гиз, выпуская мальчика и пытаясь справиться с внезапно накатившей слабостью. – Дело сделано... – Он подался вперед, склонил голову и коснулся пальцами тела мертвого селянина, мысленно прося у того прощения...

Страха не было.

На земле лежал не мертвяк, а мертвец.

Они не расходились. Стояли вокруг мертвеца, ждали, пока охотник придет в себя. Они хотели знать, что им делать дальше.

Их было много. Уже и старики подтянулись, и дети. Даже старая Иста пришла, встала поодаль, с опаской поглядывая в сторону заброшенного дома. Быть может, она знала его тайну. Возможно, она могла бы объяснить, кто такой этот Белый Человек, чей это призрак...

Было тихо. Легкий ветерок ворошил листья березы. Где-то за деревней на дальнем лугу натужно мычала корова.

Селяне молчали, только цыкали на детей, если те начинали шуметь.

– Что нам делать с мальчиком, Гиз? – из толпы выступил Эрл, приблизился к стоящему на коленях охотнику, коснулся его плеча.

– Не знаю, – не открывая глаз, ответил Гиз. – Я всего лишь охотник. Мое дело – убивать мертвых.

– Но что ты нам посоветуешь? Мы должны за ним следить? А может его надо изгнать?

– Это вам решать.

– Он ведь еще ребенок.

– Дети быстро растут.

– Что же нам делать? Что?..

Гиз поднял голову, оглядел толпящихся селян, подумал, что, наверное, вся деревня собралась сейчас здесь – в зарослях крапивы и малины, возле старой наклонившейся березы, неподалеку от заброшенной избы, пользующейся дурной славой. И заговорил, подбирая каждое слово:

– Мальчик не совершил никакого преступления... Да, у него есть Дар – дар некроманта, – но разве ребенок виноват в этом? Судить надо за поступки. А вы должны понимать, что хороший человек, каким бы даром он не обладал, не совершит плохих дел. Кем будет этот мальчик? Я не знаю. Как его воспитают? Я не могу сказать. Это вы решите, кем он станет. Это вы определите для него судьбу. Возможно, с вами он вообще забудет о своем страшном даре. А, может быть, вскоре он превратится в одного из тех, чьи глаза мертвы, а души холодны... Если это случится, если его душу поглотит его дар, то уже ничто нельзя будет изменить. Возможно, мой старший брат Огерт, сможет помочь вам... Вам, но не ему... – Гиз пальцем показал на перепуганного мальчика, жмущегося к матери.

Дила обнимала всех своих детей. Собравшиеся люди старались держатся от нее подальше, словно она была больна. И глядя на осунувшуюся женщину, Гиз решил, что рассказывать всё он не будет.

Им незачем знать, как умер Гест.

Пусть у заброшенного дома появится еще одна тайна.

– Вы хотели получить мой совет? – спросил охотник. –

Вы его слышали. А теперь мне пора уходить... – Он встал, отряхнул колени. Кивнул на мертвое тело:

– Позаботитесь о своем соседе как следует. Кладбище ждет его душу.

Он спешил, потому что Страж позвал его...

В полдень Гиз получил свои деньги, и почти сразу же их потратил. Навестив толстого Минса, он купил молодого, недавно объезженного жеребца. У кузнеца приобрел недостающую сбрую. В заведении Эрла плотно пообедал и набил провизией переметные сумки.

– Куда ты теперь? – поинтересовался хозяин постоянного двора, помогая охотнику собраться.

– На Кладбище, – Гиз привязывал сумки к седлу. – Страж Могил хочет меня видеть.

– Что-то случилось?

– Да.

– Что-то серьезное?

– Наверняка. Он бы не стал беспокоить из-за пустяков.

– И сколько раз он уже тебя звал?

– Нисколько. Сегодня – впервые... – Гиз подергал сумки, проверяя, крепко ли они держатся, взял коня под уздцы. – Открывай ворота, хозяин.

– Ты так и не справился со своим страхом, охотник? – спросил Эрл, отодвигая полированный брус засова.

– Нет, – усмехнулся Гиз, потянув за собой скакуна.

– А у меня, вроде бы, стало получаться... – Эрл придерживал створку ворот и, кажется, о чем-то размышлял.

Охотник вывел жеребца на дорогу, еще раз как следует все проверил – оружие, упряжь, провизию. Огляделся, улыбнулся играющим в пыли ребяташкам, кивнул проходящему мимо старику, из-под руки посмотрел на высокое солнце.

– Погоди, охотник, – что-то надумавший Эрл закрывал ворота. – Я с тобой.

– Куда? – спросил Гиз. – На Кладбище?

– Нет, – неуверенно засмеялся Эрл. – Мне туда пока рано... Решил вот зайти к Диле. Тяжело ей, наверное, сейчас.

– Наверное, – сказал Гиз.

Они прошли через деревню, кивая встречным. Какая-то пегая собачонка, учуяв запах съестного, увязалась за ними. Больше никто не вышел проводить охотника.

На дороге между домом Дилы и заброшенной избой бортника Гиз и Эрл попрощались.

– Позаботься о мальчонке, – сказал охотник. – Я не хочу, чтобы однажды он встретился с моим старшим братом.

– За кого из них ты боишься? – попытался пошутить Эрл.

– Ты знаешь, чего я боюсь больше всего, – сказал Гиз.

– И знаю так же почему тебя называют Гизом Бесстрашным.

– Да? Почему же?

– Потому что даже страх не может тебя остановить.

– О! – хмыкнул охотник. – И давно ли ты так заговорил?

– Давно. Просто раньше некому было слушать... – Эрл посмотрел на дом Дилы. – Может быть, скоро что-нибудь из-

менится.

– Изменится, – уверенно сказал Гиз. – Главное не бояться перемен.

– Нет, – возразил Эрл. – Главное – не обращать внимания на страх.

– Что же, удачи тебе, – сказал охотник.

– А тебе легкой дороги.

Они разошлись. Эрл решительно зашагал к дому Дилы, а Гиз вскочил в седло и тронулся с места. Но через мгновение он кое-что вспомнил, придержал коня, обернулся, крикнул:

– Эрл!

– Да? – Хозяин постоялого двора остановился.

– Если вам когда-нибудь надоест Белый Человек и всякие там Веселые Голоса, отыщите мою сестру Нелти. Она вам поможет.

– А кто она такая? – крикнул Эрл.

– Она – собирательница душ.

– Хорошо, я запомню. Удачи тебе, Гиз Бесстрашный!

– Удачи!.. – Гиз махнул рукой и добавил негромко: – Она тебе тоже не помешает...

Глава 2

Собирательница душ

1

Мятые, потемневшие от старости латунные колокольчики давно утратили свои звонкие мелодичные голоса. Вот уже много лет они лишь гремели, дребезжали и бряцали. А некоторые – те, что лишились языка, – и вовсе молчали.

Колокольчики должны были издавлека предупредить людей о приближении скорбного обоза. Но теперь разве кто услышит эти тусклые звуки?..

Старый Армид, хозяин обоза, перевозчик в пятом поколении, лежал в пустой телеге, смотрел в небо и слушал, как гремят его колокольчики. Он всех их помнил, всех различал по голосам. И голоса эти будили в нем воспоминания...

– Скоро деревня, хозяин! – крикнули с головной телеги.

Армид сел, потер кулаками слезящиеся глаза. Отозвался:

– Сам вижу...

Всю свою жизнь он ездил этой дорогой. Сначала мальчишкой помогал отцу и деду. А теперь вот уже сам, один...

Он знал здесь все – каждую деревню на пути, каждый перелесок, каждое дерево. Он помнил, когда мелеют реки,

он мог предсказать распутицу, мог указать самый короткий путь, о котором и местные жители давно забыли.

Всю свою жизнь он катался от деревни к деревне, собирая мертвецов и отвозя их на Кладбище.

А теперь, кажется, дело его предков подходит к концу.

Катафалки разваливаются. Когда-то в лучшие времена обоз состоял из пятнадцати специально оборудованных телег. Теперь их осталось всего четыре. Старые лошади, конечно, умные, они сами идут привычной дорогой, но силы у них уже не те. Не каждую крутую горку смогут они одолеть с полным грузом... И на достойную охрану денег уже не хватает. Еще и дальше так пойдет, то скоро сами возницы будут охранять груз. Но какие из них бойцы? Первый же некромант с парой мертвяков разгонит их всех, а груз себе заберет... Да что тут говорить! Даже наследника нет. Нет продолжателя семейного дела. Не обзавелся Армид потомством...

А времена меняются... Перевозом начинают заниматься новые люди, молодые, напористые. У них другие правила, они меняют маршруты, как им заблагорассудится, они не слушают стариков, думают лишь о деньгах, посмеиваются над Стражем Могил и совсем не уважают мертвых. А еще – страшно сказать – ходят слухи, что за определенную плату они могут передать груз некромантам...

Уж не потому ли все больше становится в мире мертвяков? Говорят, что их уже и днем можно встретить. И некроманты не скрываются, как раньше. Даже в людных местах

появляются, проводят через селения свои страшные отряды. Видно, не боятся ни армии Короля, ни охотников...

– Человек впереди! – крикнули с первого катаfalка, отвлекая Армида от тягостных мыслей. – Женщина!..

2

«Неприятностей в жизни не бывает, – часто повторял Страж Могил. – Жизнь хороша сама по себе. Бедность, нужда, болезни, даже боль – это не повод для отчаяния. В человеческой жизни есть лишь одна настоящая неприятность – то, что когда-нибудь жизнь закончится. Но не стоит из-за этого расстраиваться, и не надо этого бояться. Ведь когда человек живет, смерти еще нет. А когда приходит смерть, то уже нет человека...»

Когда Нелти начинала думать о своей неполноценности, она вспоминала эти слова, и ей становилось легче.

– Жизнь хороша сама по себе, – пробормотала она и, не открывая глаз, подняла голову, подставила лицо теплему солнцу, широко улыбнулась небу, в котором заливался невидимый жаворонок.

Мир был полон объемных звуков – мягко шелестела трава под ветром, громко стрекотали кузнечики, где-то далеко неуверенно пробовала голос кукушка. А если затаить дыхание и как следует прислушаться, то можно разобрать далекую перекличку петухов.

– Ну что, Усь, – сказала Нелти, погладив сидящую на плече кошку. – Отдохнули? Пора бы двигаться дальше. Сами пойдем или попутчиков дождемся?

Кошка запустила когти в войлочную накладку, закрываю-

щую плечо хозяйки, замурлыкала.

– Твои ответы разнообразием не отличаются, – сказала Нелти. И кошка, словно обидевшись на это замечание, тут же умолкла.

– Что-то не так, Усь? – спросила Нелти, но уже через мгновение сама услышала звуки, что встревожили кошку.

Металлическое дребезжание и бряцание. Мягкий перестук копыт. Скрип тележных колес.

– Вот и попутчики, Усь, – негромко сказала Нелти и поднялась на ноги. Она повернулась лицом к приближающемуся обозу, услышала, как кто-то крикнул: «Человек впереди!.. Женщина!» – и открыла слепые глаза.

3

Обоз остановился рядом.

Нелти чувствовала запах лошадиного пота, она слышала, как жужжат мухи и слепни, и как лошади стегают себя хвостами, отгоняя кровососов. Она уже определила, что повозок немного – три или четыре. Но сколько здесь людей?..

– Возможно, нам по пути, – предположила она вслух.

– А здесь одна дорога, – отозвался голос, принадлежащий, явно, пожилому человеку.

– Но по одной дороге может проходить много путей, – сказала Нелти.

– Это так, – согласился голос. – И куда направлен твой путь?

– К ближайшему селению.

– Это недалеко.

– Знаю. Может быть, вы меня подвезете?

– Я вижу, что ты слепа, допускаю, что твой нос ничего не чувствует, но неужели ты не слышала звона колокольчиков, женщина? Это скорбный обоз.

– Своим присутствием я не нарушу скорбь.

– Ты понимаешь, какой груз мы везем?

– Я его чую.

– И ты не боишься?

– Разве можно бояться тех, кто больше не существует?

Возникла пауза. Нелти чуть повернула голову, пытаясь почувствовать настроение людей. Погладила кошку.

Усь спокойна – значит опасаться нечего...

– А ты необычно разговариваешь, – наконец проговорил старик. – Не так, как другие женщины.

Нелти чуть пожала плечами:

– Наверное, ты никогда раньше не слышал, как разговаривают женщины.

– Почему же... Слышал... – судя по голосу, старик улыбался. – Но редко что понимал.

– Возможно, ты слышал, но не слушал.

– Не стану с тобой спорить. Догадываюсь, что это бесполезно, да и опасно, может быть.

– Опасно? – Нелти искренне рассмеялась. – Неужели я – слепая женщина, обычная, слабая, – смогла напугать тебя и твоих людей?

– Только сильные люди могут говорить о своей слабости, – заметил старик. – Да и странно мне встретить посреди дороги слепца без поводыря... – Он покачал головой, и Нелти почувствовала это. – Думаю, ты лукавишь, когда говоришь о слабости и обычности.

– Так значит я действительно тебя напугала? Почему же ты до сих пор здесь?

– Потому что дорога – это не лучшее место для слепой женщины, кем бы она ни была.

– Я – собирательница душ, – сказала Нелти, понимая, что

пришло время представиться. – Меня зовут Нелти.

– А я – перевозчик мертвых, – сказал старик, – и хозяин скорбного обоза. Армид мое имя.

– Собирательница и перевозчик, – усмехнулась Нелти. – Компании лучше не придумать.

Фыркали лошади, скрипели телеги, бряцали колокольчики. Лениво перебрасывались словами возницы и охранники – Нелти их слышала, но не слушала. Она разговаривала с Армидом, делилась с ним тревожными предчувствиями:

– ...да, я не вижу, я слепа, но это не значит, что я ничего не замечаю. Все чаще мертвые возвращаются в мир живых, все больше страха копится в нашем мире, и у этого должна быть какая-то причина. Страж говорил, что живые не дают покоя мертвым, он говорил, что мертвые всегда поднимаются, когда близятся перемены. Или когда кто-то желает перемен...

Они сидели рядом, на одной куче соломы, в одинаковых позах. У Нелти на коленях свернулась кошка, у Армида – вожжи.

– Такое уже было однажды, – негромко сказал старый перевозчик. – Давно. Так давно, что ты, наверное, не помнишь... Армия мертвых против армии людей... Сражение возле Кладбища... Разгром некромантов... Победа Короля...

– Я помню, – сказала Нелти. – Тогда я была ребенком... Я хорошо помню...

Разве могла она это забыть?

Как можно забыть день, когда черные всадники Короля прмчались через их деревню на взмыленных лошадях, под-

няв в небо тучи пыли, заслонившие солнце. День, когда женщины и дети спрятались в подвалах, а мужчины торопливо запирали дома и занимали посты возле закрытых ставнями окон, сжимая в руках топоры и тесаки. День, когда на крыши нескольких домов упали тяжелые боевые стрелы, прилетевшие издалека, а пахнувший кровью и тленом ветер принесил с севера тревожные отзвуки ревущих горнов и рокочущих барабанов. День, после которого потянулись по дороге нескончаемые скорбные обозы, а оружейным металлом были завалены все окрестные кузни.

Как можно забыть день, который изменил всю твою жизнь?..

– Я помню... – повторила Нелти, поглаживая топорщащуюся шерсть кошки. – Не могу забыть... Ведь ровно через шесть дней после той битвы я ослепла...

– Как это случилось? – не сразу решился спросить Армид.

– Я посмотрела мертвяку в глаза... – выдержав паузу, ответила задумавшаяся Нелти. – И теперь все, что я вижу – это бездонная чернота его зрачков.

– Ты нарушила правило, – сказал Армид.

– Тогда я не знала правил...

5

Нелти стояла в стороне от мальчишек, не решаясь ни подойти ближе, ни отойти дальше. Ей было страшно, и она прижималась к стволу осины, готовая, случись что, кошкой вскарабкаться на ствол.

Мысленно она кляла себя за то, что согласилась пойти с ними. Она ругала заводилу Огерта и послушного Гиза. Она ненавидела их дурацкие, совсем не смешные шутки. И до самого последнего момента она думала, что все эти разговоры о ползающей мухе, о том, что мертвец шевельнулся – обычная мальчишеская болтовня, пустой треп. Она считала, что друзья сговорились, решив как следует ее напугать.

И когда мертвяк действительно дернулся и схватил Огерта за ногу, Нелти на мгновение показалось, что это тоже часть розыгрыша.

Возможно, только поэтому она не сошла с ума от страха. Она закрыла лицо руками и пронзительно завизжала...

6

– Вот и деревня показалась, – сказал Армид, прервав ее воспоминания.

– Я ничего не вижу, – напомнила Нелти старому перевозчику, и тот смутился, кашлянул. Тронул вожжи, прикрикнул на лошадь, подгоняя. Только потом поинтересовался:

– И как же ты странствуешь? Слепая, без поводыря.

– Поводырь не нужен, если есть попутчики.

– А когда и попутчиков нет?

– Усь всегда рядом.

– Усь?.. Это же обычная кошка. Чем она может помочь?

Нелти покачала головой, прижалась щекой к мягкой шерсти, ответила:

– Обычных кошек не бывает. Ты знаешь, что они видят много такого, о чем люди даже представления не имеют? Знаешь, например, что кошки видят души?

– Это детские сказки, – сказал Армид.

– Нет, – ответила Нелти. – Это правда. А еще у кошек есть дар предчувствия. Кошки – настоящие охотники...

Вскоре они въехали в деревню. Нелти ощущала, как по ее лицу скользят тени высоких изб и деревьев, она слышала квохтанье кур и перекличку петухов, блеяние овец и мычание коров. Где-то впереди звонко кричали дети – то ли радостно, то ли испуганно. Разнообразные запахи сменяли

друг друга – сначала пахло свежескошенным сеном, потом навозом, затем потянуло ароматным дымком – кто-то коптил мясо.

– Большое село, – сказала она.

– Да, – подтвердил Армид. – Но как ты узнала?

Нелти повернула к нему лицо:

– Закрой глаза и не открывай их много лет. Тогда поймешь.

Кошка забеспокоилась, вскарабкалась на плечо хозяйки, уселась там, вертя головой.

– Собаки рядом, – сказала Нелти. И через мгновение услышала дружный лай. Деревенские разномастные псы сбились в стаю и, держась на безопасном расстоянии, облаивали чужаков.

– Ты по делу сюда или как? – спросил Армид, не обращая внимания на трусливых собак.

– По делу, – сказала Нелти.

– И по какому же? Впрочем, и без того знаю. Наверное, на Гадючье болото хочешь пойти.

– Откуда знаешь?

– А я не первый год здесь езжу. И вот что скажу – не надо тебе на Гадючье болото ходить. Много ваших там было, и почти все там и остались. А те, что вернулись – вернулись ни с чем...

Обоз ехал еще довольно долго, и Нелти казалось, что они кружат по селу – она чувствовала, как меняет свое положение

ние солнце – то оно справа, то слева, то прямо в лицо светит.

А потом лошади встали. Умолкли колокольчики. Собаки все еще лаяли, но уже не так ярко. Звуки деревни отделились, казалось, что селение отгородилось от обоза плотной ширмой. Пахло застоявшейся водой.

– Где мы сейчас? – спросила Нелти.

– Это старая конюшня. Мы всегда здесь останавливаемся. Место тихое, спокойное, безлюдное, хоть и посреди села – в самый раз для скорбного обоза.

– К тому же пруд рядом, – сказала Нелти.

– И это тоже, – согласился Армид. – Но откуда ты знаешь?

– Усь на ухо шепнула, – улыбнулась Нелти.

Армид помолчал немного, а потом сказал серьезно, без тени улыбки:

– На Гадючем болоте кошка тебе не поможет.

Армид планировал задержаться в деревне на пару дней. Необходимо было заново перековать лошадей, смазать колеса телег, поправить упряжь. Одна из повозок нуждалась в небольшом ремонте, да и людям бы не мешало отдохнуть от дороги, перекусить в достойном заведении, промочить горло кружкой-другой пива, забыть ненадолго о своих обязанностях.

О мертвецах тоже не следовало забывать. Новых – если таковые будут – нужно было принять, разместить, а старые требовали ухода – на жаре тела быстро разлагались, несмотря на специальные саваны, пропитанные ароматными смолами, травяными настоями и заговоренной солью.

Мало кто из людей мог ухаживать за мертвыми...

– Все-таки решила идти? – спросил Армид.

– Я давно решила, – ответила Нелти, ощупью проверяя, не перекрутился ли кошачий поводок, не захлестнул ли он шею кошки, не спутал ли ей лапы. – Так что не трать понапрасну слова. – Она спустила ноги с телеги, намереваясь встать.

– Дело твое, собирательница, – пожал плечами Армид. Он хорошо знал, что такое долг...

Выкрашенные в черный цвет телеги ровным рядком стояли возле полуразвалившейся конюшни. Возницы уже выпрягли лошадей, стреножили, отвели на водопой к затянуто-

му ряской пруду. Скучающие охранники – четыре бойца в старых кольчугах, с боевыми топорами на широких кожаных поясах – отошли в сторонку, развели костерок, расположились вокруг. Они переговаривались, посмеивались – сейчас они могли забыть о работе.

– Спасибо, что подвезли, – сказала Нелти, держась за оглоблю и глядя туда, куда смотрела ее кошка – на старого Армида. – Денег у меня нет, но Страж учил, что любой добрый поступок заслуживает благодарности.

– А злой – прощения, – добавил Армид. – Мало кто из молодых следует этому правилу. И я рад видеть, что есть еще люди, кто прислушивается к словам Стража. Но вознаграждения мне не надо.

– Ты ведь даже не знаешь, от чего отказываешься, – Нелти вытянула руку, медленно провела ею перед собой, коснулась колокольчика, висящего на оглобле, крепко за него ухватилась. Замерла, затаила дыхание, напряглась. Армид смотрел в ее жуткие незрячие глаза, мутные, белесые, словно затянутые плесенью.

А через мгновение Нелти разжала пальцы, и освобожденный колокольчик запел громко, нежно и чисто, словно звонкоголосый, радующийся жизни жаворонок.

– Вот моя плата, – сказала Нелти. – И прошу, не смотри мне в глаза.

– Да, собирательница... – Армид опустил взгляд. – Извини...

Колокольчик все звенел, переливался, все никак не хотел успокоится. В его ясном голосе слышались стрекот кузнечиков, шелест травы, далекая перекличка петухов и неуверенное кукование.

– Спасибо тебе, – сказал восхищенный Армид. – Но как ты это сделала?

– Использовала дар, – ответила Нелти. – Я отдала старому металлу частичку молодой души.

– Чьей души? – спросил Армид.

– Не знаю. Знаю лишь, что при жизни этот человек очень любил петь.

В деревню они пошли вдвоем – перевозчик мертвых и собирательница душ, старый Армид и слепая Нелти.

Собственно, они уже находились в деревне, в самом ее центре. Просто вокруг развалившейся конюшни не было жилых строений, слишком сыро здесь было, в этой заросшей осокой низине, плодящей комаров и собирающей туманы. Местные жители выгоняли сюда молодых бычков, овец и коз – трава здесь была сочная, зеленая, пруд рядом, да и присматривать за скотиной удобней, когда она под боком...

Армид и Нелти, держась за руки, шагали по извилистой тропке, поднимающейся по заросшему ивовыми кустами пологому склону.

– Ты отдала часть чьей-то души мертвому предмету, и он ожил, – размышлял Армид. – Так значит ты можешь подобным образом оживить и мертвого? Но тогда чем твой дар отличается от дара некроманта?

– Я собираю души, – сказала Нелти. – Я их впитываю, как ткань впитывает воду. Но отдать их чему-то я не могу. Только малую часть – так мокрая тряпка оставляет немного влаги на предмете, с которым она соприкоснулась. Освободиться от душ я могу лишь в одном месте...

– На Кладбище, – сказал Армид.

– Да, – кивнула Нелти. – Так что мы похожи, перевозчик.

Ты ведь тоже доставляешь души на Кладбище. Только ты перевозишь их вместе с телами.

– Честно говоря, никогда об этом ни задумывался, – признался Армид. – Я просто делаю свою привычную работу, продолжаю дело предков.

– Дар некроманта отличается от дара собирателя. Некромант не имеет никакой власти над чужими душами, но он может получить власть над телами. Для этого он переносит в мертвеца малую толику своей души, частицу собственной сущности. И после этого они становятся одним целым – мертвяк и его хозяин, некромант и его раб...

– Откуда ты все это знаешь? – спросил Армид, проникаясь еще большим уважением к собеседнице.

– Просто я умею слушать. Слушать и слышать...

Они вышли на деревенскую улицу, остановились посреди дороги. Армид огляделся, Нелти вслушалась.

– Как-то пусто, – сказал он.

– И тихо, – добавила она.

Вроде бы, все было в порядке. На лужайках перед домами бродили безнадзорные куры, с задворок доносилось сытое похрюкивание, за изгородями беззлобно тьявкали собаки, в кронах тополей и вязов ругались вороны и галки, а на обочине дороги щипала пыльную траву пегая, ко всему безразличная лошадь, привязанная ко вбитому в сухую землю столбику.

Только людей нигде не было видно.

– И ехали когда, тоже никого не видели, – поделился Армид. – Одни только дети играли.

– Помолчи! – сжала руку старика Нелти. Она что-то услышала.

Где-то в отдалении... словно шум ветра... или гул моря...

– Туда... – потянула она Армида. – Люди там... Там все люди...

Голосов было много, разных голосов – молодых и старых, торопливых и рассудительных, громких и чуть слышных, звонких, сиплых, тягучих, надтреснутых. Люди говорили все разом, и в общем шуме сложно было разобрать отдельные слова. Но Нелти умела слушать...

– Надо послать гонца к Королю, просить у него помощи!

– Какое ему до нас дело! Он занят тем, что сторожит Кладбище.

– Охотника! Нужно звать охотника!

– Ну и где ты его сейчас найдешь?

– Сами отобьемся, если что. Неужели не справимся? Вон нас сколько!

– Ага! Справился один такой!

– Да ладно вам страх нагонять! Ничего с нами не будет, стороной нас обойдут.

– А если не обойдут?

– Спрячемся.

– В лес надо уходить! За реку! Переждем опасность и вернемся...

Селяне спорили, кричали, ругались, не обращая внимания на приближающихся гостей.

– Видно, что-то случилось, – сказал Армид, взглядываясь в галдящую толпу, собравшуюся на ровном пустыре за ам-

барами, рядом с фуражной ямой. Он уже заметил несколько знакомых лиц, но не они ему были сейчас нужны. Армид, вытянув шею, высматривал старосту – мельника Гетса, уважаемого всей округой человека, в меру богатого, разумного и приветливого.

– А ты наблюдателен, – усмехнулась Нелти.

Армид не ответил на колкость, только дернул плечом, словно муху сгонял.

Они остановились в нескольких шагах от тесной толпы, на открытом месте возле небольшого навеса. Их заметили, на них оглядывались. Старика перевозчика здесь хорошо знали, помнили, ждали, а вот его попутчицу видели впервые. Кто она? И что это у нее с глазами?

Селяне с интересом разглядывали пришлую простоволосую женщину с кошкой на плече; по одежде, по манере держаться пытались угадать, чем она занимается, пихали локтями соседей:

– Не знаешь ее?

– Первый раз вижу.

– Глаза у нее какие-то чудные.

– Да она, вроде бы, слепая.

– И кот... Смотри, как сидит. Я сперва думал чучело. Но глазищи-то! Глазищи-то какие! Прямо горят!..

Нелти слышала почти всё...

Мало-помалу гул голосов стихал. Люди выговорились, выплеснули эмоции. Теперь они были готовы слушать.

– Все всё сказали? – прокатилось над толпой. – Хорошо, теперь скажу я... – Говорящего не было видно, но Армид узнал этот голос, похожий на скрежет жерновов. – Чего вы испугались селяне? Зачем прибежали сюда, словно цыплята под клуху? Зачем меня позвали? Или думаете, что простой мельник скажет что-то, о чем вы сами не знаете?

– Ты наш староста, Гетс! – крикнул кто-то в толпе.

– А ты наш кузнец, Ваер! И что с того?

– Скажи, что сам думаешь? – раздались сразу несколько голосов.

– Скажу! Молчать не стану, не привык! – Гетс откашлялся, прохрипелся. – Зря вы дома бросили, вот что я думаю! Зря хлеб не убираете, траву не косите, за детьми не смотрите. Все только разговоры разговариваете, да засовы новые на двери ставите! Хватит! Расходитесь-ка лучше по домам, хозяйством занимайтесь! Сами знаете, как наши деды говорили: дурные вести, что дрожжи в тесте. Так что нечего нам бояться! Да и что проку от вашего страха? Вот если беда придет, так встретим ее, как положено. А сейчас-то чего трястись?

– Вот и я говорю! – поддержал старосту чей-то могучий голос. – Отобьемся! Вон нас сколько!

– А ты, голова горячая, поостынь, – чуть спокойней сказал Гетс. – А то амбары искрами подпалишь.

В толпе раздались неуверенные смешки. Люди, вроде бы, немного успокоились, чуть расступились. Но расходиться не

спешили.

– Говорят мне, что тут с нами Армид-перевозчик.... – Староста раздвинул людей, шагнул вперед. – Да? Где он?

– Здесь я! – поднял руку Армид.

– Ну вот и ладно, – сказал Гетс, снова обращаясь к селянам. – Охрана обоза, случись что, нам поможет. Не так ли, Армид?.. Так что нечего тревожиться.. – Он медленно шел сквозь толпу и старался не смотреть в глаза людям, так как опасался, что они заметят его тревогу. – Возвращайтесь домой... Занимайтесь делами... Как обычно... Все будет хорошо...

Гетс и Армид встретились как старые друзья – обнялись, поцеловались, долго хлопали друг друга по плечам, выбивая пыль из одежды. Мимо них шли люди, хмурились, покачивали головами, переговаривались негромко. Речь старосты их успокоила, но не намного. Да и ненадолго.

– Это Нелти. Собирательница душ, – представил Армид свою попутчицу. – Она хочет отправиться на болото.

– На Гадючье болото? – переспросил Гетс, глядя на женщину – на ее страшные невидящие глаза, словно присыпанные гнилой мукой.

– Да, – ответил Армид. – Но ты ее не переубедишь, даже не пытайся. Не трать даром слова.

– Он правильно говорит, – улыбнулась Нелти.

– Я ничего не могу указывать собирательнице, – развел руками Гетс. – Так же, впрочем, как и перевозчику.

– Это мудро, – сказала Нелти. – Ведь я же не учу мельника молоть зерно...

Они еще какое-то время стояли небольшим островком в людской реке, перебрасываясь ничего не значащими словами. Время от времени кто-нибудь из селян останавливался рядом с ними, здоровался с Армидом, разглядывал незнакомую женщину с большой черной кошкой, спокойно сидящей у нее на плече, пытался завести разговор со старостой. Но

тот лишь недовольно отмахивался:

– Не сейчас. Я все высказал, что хотел. Поговорим как-нибудь в другой раз...

Когда толпа рассеялась, Гетс пригласил их в свой дом. Нелти хотела была отказаться, сославшись на свое дело, но староста взял ее за руку и сказал, что одно слово собирательницы может помочь всей деревне.

– Хорошо, – сказала Нелти, все еще колеблясь.

– Вы наверное проголодались, – добавил Гетс. – Сейчас самое время поужинать. Думаю, кошке тоже перепадет что-нибудь вкусное.

И Нелти, больше не раздумывая, приняла приглашение.

Дом у Гетса был большой, светлый – даже слепая Нелти чувствовала это.

Высокие ворота, широкая дорожка, посыпанная песком, крепкое крыльцо в семь ступеней, двустворчатая дверь с начищенными до блеска медными ручками, просторные коридоры и комнаты, высокие потолки, большие окна.

– Давно я не был у тебя в гостях, – сказал Армид, осматриваясь.

– Моя вина, – признал Гетс. – Но и ты что-то все реже к нам заезжаешь.

– Лошади старые, телеги постоянно ломаются. То, что раньше мы проходили за десять дней, теперь проходим за двадцать.

– У каждого свои беды, – вздохнул Гетс.

– А что за беда у вас? – спросил Армид, догадываясь, что хозяину неловко первому начинать разговор о проблемах.

– Все расскажу... – снова вздохнул Гетс. – Молчать не привык... Но не за пустым же столом беседовать...

Гетс был женат, имел пятерых детей. Но вот уже несколько дней жил без семьи – отправил родных к родственникам в город. Все хозяйство теперь вела служанка – полная, некрасивая, но опрятная девица, которую все называли Репой. Родом она была из соседней деревеньки, но мать ее умерла не

так давно, а с отцом она не ужилась. Вот и ушла в село.

– Рано ты ужинаешь, – сказал Армид, чтобы хоть что-то сказать. – Солнце высоко.

– Солнце животу не указ, – ответил Гетс. – У него свои порядки.

Появилась розовощекая Репа с огромным подносом, огляделась, не зная, куда его деть, замешкалась. Потом придумала – ногой выдвинула из-под стола табурет, поставила поднос на него. Смущенно попросила гостей убрать руки со столешницы, развернула льняную скатерть, встряхнула ее, накрыла стол, широкими ладонями разогнула складки, смахнула пылинки. Принялась расставлять посуду...

Армид смотрел на ее полные, усеянные веснушками руки и с грустью думал, что если бы у него была дочь, то она, наверное, была бы сейчас в таком же возрасте, как и эта девушка.

На столе появились запотевший кувшин, горшок с кашей, блюдо с жареным мясом, миска со сметаной, стопка блинов на деревянной тарелке, чашка с медом и блюдце с икрой.

Нелти чувствовала, как от широких движений служанки колышется воздух. Она слышала как стучит посуда, чувствовала аромат пищи, запоминала, что где стоит.

– И сырой рыбки принеси, – сказал Гетс. – Для кошки.

– Сейчас принесу, – откликнулась Репа и, подхватив опустевший поднос, задвинув табурет на место, ушла.

– Давно она у тебя работает? – негромко спросил Армид.

– Да уж год скоро...

Кошка на плече Нелти замурлыкала, словно догадалась, что и ей будет угощение, благодарно потерлась о висок хозяйки.

– Ну так что тут у вас случилось? – спросил Армид.

Гетс потянулся за блином, неторопливо свернул его, сказал:

– Беда... – и макнул его в мед. Он не хотел, чтобы служанка слышала их разговор, а она вот-вот должна была вернуться с рыбой. Армид все понял, умолк, пододвинул к себе горшок, положил по черпаку каши в свою тарелку и в тарелку слепой попутчицы. Нелти кивком поблагодарила старика, сняла кошку с плеча, посадила ее на колени, потом взяла свою ложку, безошибочно угадав место, где та лежит. Сказала:

– Спасибо хозяину за радушие.

– Вам спасибо, что приняли мое приглашение, – отозвался Гетс.

Чуть шевельнулся воздух, и Нелти повернула голову к беззвучно вошедшей в комнату служанке. Сказала:

– Если можно, положите рыбу на полу возле стула.

– Можно, – разрешил Гетс.

– Хорошо, – послушалась служанка. Она отогнула чистый половик, положила двух чищенных карасей на половицы, отступила.

Нелти тем временем проверила поводок, продела кисть

левой руки в петлю на его свободном конце, легким движением подтолкнула кошку, шепнула:

– Кушай, Усь.

И кошка, спрыгнув с колен хозяйки, прижала лапой ту рыбину, что была покрупней, заурчала.

– Я вам еще нужна? – спросила девушка.

– Затопи баньку, – сказал Гетс, глядя на кошку. – И никого к нам не пускай.

– Хорошо...

Девушка ушла, плотно притворив за собой дверь.

– Беда, – сказал Гетс и отложил недоеденный блин.

– Да что случилось-то? – Армид, чавкая, пытался двумя передними – единственными – зубами разжевать кусок мяса.

– Мертвяки... – Гетс назвал беду по имени, и было заметно, что это нелегко ему далось. – Целый отряд мертвяков.

– Где? – Армид с трудом проглотил плохо разжеванный кусок.

– Думаю, уже рядом... Шесть дней назад в наше село прискакал всадник. Сказал, что он из Привязья. Знаешь это место?

– Знаю, – сказал Армид.

– Там у них поднялись два мертвеца, что в леднике дожидались скорбного обоза. Кто их поднял – неизвестно. Но некромант сильный. Мертвяки выбрались из ледника, проникли в ближайший дом и... Там никто не выжил. А потом они ушли на запад. Ушли все. Шесть мертвяков.

– Нужно было найти охотника, – сказал Армид.

– Они так и сделали.

– И что?

– Охотник пошел за мертвяками и той же ночью вернулся.

Вернулся мертвый.

Армид нахмурился, отложил ложку, отодвинул тарелку.

– Это все плохо, но вы-то при чем?

– Ты слушай, я молчать не буду... Не привык... – Гетс глянул на слепую собирательницу, убедился, что она слушает, и продолжил: – С мертвяком-охотником они справились – заманили его в сенной сарай и сожгли. А вот остальных так больше и не видели. Только вот Лосиный хутор, что неподалеку в лесу стоял, весь обезлюдел. И следы там кругом... следы... Мертвяки там прошли. Много мертвяков... И стало их еще больше...

– Лосиный хутор от вас далеко, – сказал Армид.

– Зато Осиновая лощина к нам ближе, – сказал Гетс.

– А там-то что?

– А вот с той стороны и прискакал всадник. Его направили за помощью к Королю, он торопился, решил срезать путь. Поскакал через лощину, а там... словно пни-головешки... они стоят... мертвяки... среди деревьев – черные, неподвижные – будто ждут чего-то. Уж как он там выжил, как проскакал – я не знаю. Говорит, их там чуть ли не сотня. И среди них узнал он земляка, одного из тех двоих, что в леднике лежали.

– Думаешь, мертвяки дальше к вам направятся? – спросил Армид. – Но с чего ты взял? До Осиновой лощины четыре дня ходу. Мало ли куда они свернут.

– Вот и я тогда так подумал. А когда всадник ускакал, поползли разные слухи. То в Развольном селе мертвец очнулся, то на Беспашье странные следы видели, то над Гадючьими болотами какие-то огни летали, да тени прямо в небе бродили. А на днях так и вовсе новость пришла – на Поводных Лугах дети коней в ночном сторожили. И под самое утро, как туман с реки пополз, увидели, что вроде бы как идет к ним кто-то. Сначала одна фигура, потом больше, больше. А уж когда разглядели, кто это там в тумане, на коней вскочили, да и понеслись...

– До лугов отсюда два дня ходу, – пробормотал нахмурившийся Армид.

– Вот и я о чем тебе толкую. Прямо на нас идут эти мертвяки. Медленно идут, видно, только ночами двигаются. То ли прячутся, то ли дневного света боятся.

– А что же ты людей-то сегодня так успокаивал? – спросил Армид.

– Так ведь и без того боятся люди. Что проку от страха? Вред один.. А я, ты не думай, сложа руки не сижу. Есть у меня надежные люди, и в селе, и в деревнях окрестных. Кто-то за округой следит, кто-то к отпору незаметно готовится. Несколько человек послал я искать охотников, да еще вот жду, когда тот всадник вернется. Может, даст ему Король

своих солдат?

– Не знаю, – покачал головой Армид. – Неладное что-то творится... А если так по всей округе? Где ж Королю столько солдат набрать...

– Так что нам делать, перевозчик? Что делать, собирательница?

Нелти промолчала, не зная, что ответить. Армид с советами тоже не спешил.

– А может мимо они пройдут? – неуверенно сказал Гетс. – Ну что им от нас надо?

– Новых мертвяков, – предположил Армид.

– Нет, – сказала Нелти. – Думаю, мертвяки некроманту больше не нужны.

– Почему? – в один голос спросили Гетс и Армид.

– У любого некроманта есть предел его возможностей, – пояснила Нелти. – Он не может поднять больше мертвяков, чем позволяет ему дар. Вы говорите, что сейчас мертвяки едва движутся. А это означает, что некромант с трудом управляется с ними.

– Так зачем они идут сюда? – Гетс смотрел на собирательницу, уже не замечая ее страшных глаз.

– А с чего вы решили, что они идут именно сюда, к вам? Они идут на запад. А в той стороне много чего есть, что действительно может заинтересовать некроманта. Город призраков, например. Или Озеро Девяти Воинов. Или Чернокаменный Замок.

– Или Кладбище, – добавил Армид.

– Только безумец решится на войну с Королем, – пробормотал Гетс. И Нелти кивнула:

– А они безумны. Они оживляют мертвецов, они отдают им свою душу, и постепенно сами становятся бездушными мертвецами...

– Так, значит, ты считаешь, что нам нечего бояться? – Гетс вернулся к волнующей его теме.

– Этого я не утверждала. Я лишь говорила, что некромант не собирается увеличивать свою армию. Я в этом почти уверена. Но опасность все равно есть. Большая опасность. Мертвякам требуется еда – живая кровь и свежая плоть. Без этой пищи их тела разлагаются. А некроманту, я думаю, нужно сильное войско. Зачем ему орава разваливающихся на куски трупов?

– Ты так спокойно говоришь такие жуткие вещи... – Гетса передернуло, он поморщился, с отвращением глядя на пищу. – И что же ты нам посоветуешь, собирательница?

– Я бы рада помочь вам делом или советом, – вздохнула Нелти, – но я всего лишь собирательница душ – обычная слабая женщина, отягощенная даром, а к тому же еще и слепая... – Она покачала головой. – Я не знаю, как вам лучше поступить. Я даже не знаю, что бы я делала на твоём месте, Гетс...

Староста долго разглядывал женщину. Лицо его становилось все темней, все мрачнее. Наконец он сказал, то ли рас-

сержено, то ли обижено:

– Подозреваю, что на моем месте ты бы молола зерно.

– Возможно, – невозмутимо ответила Нелти. – Мельник должен молоть зерно. Воин – воевать, охотник – охотиться, перевозчик – перевозить тела, а собиратель – собирать души... Каждый должен заниматься своим делом.

– Но иногда бывает так, что приходится заниматься делами других.

– И это неправильно, – сказала Нелти. – Такого быть не должно, и этого не было бы, если б все как следует выполняли свою работу.

– Так что же нам делать? – возмутился Гетс. – Ждать, когда появятся те, чья работа – защищать нас?

– Я не знаю, – вздохнула Нелти. – Я и так уже слишком много наговорила. Пожалуй, мне пора идти... – Она, отодвинув стул, встала, подтянула поводок, наклонилась, взяла на руки кошку, успевшую управиться с обоими карасями, посадила ее на плечо. Сказала, поклонившись хозяину дому:

– Спасибо большое от нас обеих. Буду еще больше благодарна, если кто-нибудь выведет меня на улицу.

Гетс и Арמיד поднялись почти одновременно.

– И куда ты пойдешь? – спросил мельник.

– На болото, – сказала Нелти. – Делать свое дело.

– Так вечер же скоро, – попытался отговорить ее старик-перевозчик. – А к болоту прийдешь – уже глухая ночь будет.

– А у меня всегда ночь, – невесело улыбнулась Нелти. – Ну так что, проводите меня, или мне самой отсюда выбираться?

– Я провожу... – Гетс осторожно взял ее за локоть, кивком головы и выразительными движением глаз попросил Армида остаться – им еще было что обсудить, да и еда стояла почти нетронутая. – На дорогу выведу, и дальше провожатого найду...

Вдвоем они вышли из комнаты, повернули, прошли коридором. На крыльце Нелти придержала своего поводыря.

– Что? – спросил Гетс.

– Каждый должен заниматься свои делом, – негромко напомнила Нелти, глядя ему в лицо, и пытаюсь угадать, как оно выглядит. – А у старосты села, я думаю, дел еще очень много. Люди верят тебе, Гетс... – Она подняла руку, коснулась пальцами его лица – грубая кожа, высокий лоб, приплюснутый нос, колючая щетина – примерно так она его и представляла. – Они верят, что ты поступишь правильно. Они надеются, что ты как следует сделаешь свою работу. Так что возвращайся к Армиду, тебе ведь есть, что с ним обсудить. А времени, возможно, уже нет.

– А ты?

– За меня не волнуйся. До болота я сама доберусь.

– Уверена?

– Ну я же дошла сюда.

– И все же...

– Нет! – Нелти высвободила руку. – Каждый должен де-

лать свое дело...

Она самостоятельно спустилась с крыльца.

Семь крепких ступеней. Широкая дорожка, посыпанная песком. Высокие ворота...

Она обернулась, помахала рукой Гетсу, зная, что он так и стоит на крыльце, смотрит на нее. И уверенно зашагала по пыльной обочине дороги, внимательно слушая окружающий ее огромный мир, который она так давно не видела, и который так желала увидеть...

Гадючье болото располагалось к югу от села, в нескольких часах быстрой ходьбы.

Когда-то к болоту вела укатанная, ухоженная дорога, а возле самой топи стояла на сваях небольшая деревенька, жители которой занимались добычей торфа, сбором болотной ягоды бузики, да ловлей съедобных пучеглазых тритонов. В те времена через болото еще можно было перебраться. На зыбучем моховом ковре и пузырящейся вонючей тине лежали широкие настилы гати. Там, где блестела чистая вода, в зарослях тростника можно было найти плоты и лодки, а все опасные ямы были огорожены и отмечены пестрыми вешками. Конечно, гадюк на болоте и тогда хватало. Но жители небольшой деревни как-то ладили с ядовитыми гадами. Кое-кто из чужих поговаривал даже, что они знают змеиный язык.

Но однажды все изменилось.

Много лет назад на болоте спряталась от преследования банда разбойников. Преследователи прошли мимо, а бандитам это место приглянулось, и они решили остаться. Предводитель банды, как говорят, был некромантом. Но черный дар свой он использовал очень редко. Так что все разбойники были людьми, но боялись их не меньше чем мертвяков.

Первым делом банда наведальась в болотную деревню. Там

они быстро установили свои порядки – запретили местным жителям заниматься торговлей, и все, что те добывали нелегким трудом, отнимали у них и продавали сами. Тех, кто отказывался работать, топили в трясине. Тех, кто плохо работал, совали в змеиные гнезда. В конце-концов тихие мирные люди не выдержали и взбунтовались. Но у них не было никакого оружия кроме лопат и багров, а разбойники были вооружены мечами и арбалетами. Лишь один человек из местных выжил в той страшной бойне – молодой парень, имени которого сейчас никто не помнит. Он был ранен, его сбросили в болото, но он уцепился за скользкую сваю, и долго, до самой ночи сидел под водой, дыша через пустотелую тростинку и сдирая с себя пиявок. Он выбрался только когда стемнело. И пошел в соседнее село. Там давно знали о банде, поселившейся на Гадючем болоте, разбойники не раз приходили сюда, затевали драки, грабили прохожих. Селяне мирились с этим, помня, что предводитель бандитов – некромант, и боясь его разозлить. Парень из разоренной деревни тщетно пытался убедить селян выступить против разбойников. Но люди не хотели рисковать, они верили, что рано или поздно банда переберется в другие, более богатые места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.